

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Бердников И.С.

КРАТКИЙ ОЧЕРК УЧЕБНОЙ
И УЧЕНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ ЗА 50 ЛЕТ
ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ
(1842-1892)

© Сканирование и создание электронного варианта:



Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info



Казанская духовная семинария
www.kazds.ru



Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru



Духовно-просветительский центр
ИЛИОТРОПИОНЪ

Духовно-просветительский
центр «Иліотропіонъ»
<http://andreyblag.ru>

Москва, 2014

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

УЧЕБНОЙ И УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЗА

ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЕЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ

1842 — 1892 гг.

И. Бердникова.



КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1892.



Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“
за октябрь—ноябрь 1892 года.



Казанская Духовная Академія, подобно другимъ Академіямъ, имѣла свое прошлое еще до преобразованія своего по уставу 1814 года. Въ Казани Духовная Академія была основана въ 1797 году вмѣстѣ съ Академіей С.-Петербургской и существовала до 1818 года. По плану преобразованія духовно - учебныхъ заведеній, начертанному при Императорѣ Александрѣ I, тоже положено было сохранить въ качествѣ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній существовавшія прежде четыре Академіи съ ихъ округами, въ томъ числѣ и Казанскую Академію. Но когда дошла очередь до фактическаго введенія преобразованія въ Казанскомъ духовно - учебномъ округѣ, дѣло ограничилось только реформой семинарій и духовныхъ училищъ; Академія же была закрыта на неопредѣленное время по недостатку средствъ для ея реформированія, а также вѣроятно въ расчетѣ, что, быть можетъ, дѣло обойдется и съ

тремъ Академіямъ; управленіе Казанскимъ духовно-учебнымъ округомъ было поручено Правленію Московской Академіи. Между тѣмъ совсѣмъ не случайно была основана Академія въ Казани въ концѣ XVIII в. Въ Казани издавна образовался центръ просвѣщенія для всего огромнаго восточнаго края Россіи—проповѣдію Слова Божія и уроками школы. Казанская духовная семинарія во второй половинѣ XVIII в. достигла такого совершенства сравнительно съ другими семинаріями, что приравнивалась даже къ Академіямъ—Кіевской и Московской и еще ранѣе правительственныхъ распоряженій сдѣлалась мѣстомъ высшаго богословскаго образованія въ краѣ. Затѣмъ духовныя нужды восточнаго края Россіи отличались мѣстными особенностями и требовали нарочитаго приспособленія общихъ просвѣдительныхъ мѣръ къ этимъ потребностямъ. Наконецъ, двадцатилѣтній опытъ показалъ все неудобство управлять семинаріями восточнаго края Россіи издалека за нѣсколько тысячъ верстъ. По всѣмъ этимъ причинамъ высшее свѣтское и церковное правительство наше, при пересмотрѣ существовавшихъ порядковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ концѣ 1830-хъ и въ началѣ 1840-хъ годовъ, сочло необходимымъ привести въ исполненіе прѣжнее предположеніе объ открытіи Академіи въ Казани по уставу 1814 года, и она открыта въ 1842 году.

Позднее сравнительно открытіе Казанской Академіи по уставу 1814 года было причиной того, что она не успѣла, подобно прочимъ Академіямъ, прожить своего пятидесятилѣтія при этомъ же уставѣ, а послед-

ніе двадцать два года провела при дѣйствіи новыхъ академическихъ уставовъ 1869 и 1884 гг. Если принять во вниманіе, какими важными перемѣнами въ жизни Академій сопровождалась реформа ихъ по уставу 1869 года, будетъ легко понять, что жизнь и дѣятельность нашей Академіи въ послѣднія двадцать лѣтъ должна очень рѣзко отличаться отъ жизни и дѣятельности ея въ дореформенный тридцатилѣтній періодъ. Было бы конечно очень интересно сравнить на примѣръ нашей Академіи типъ Академіи дореформенной съ типомъ Академіи реформированной. Но послѣдній періодъ жизни нашей Академіи слишкомъ близокъ къ намъ; для него еще не наступила пора исторіи. Поэтому мы въ своей рѣчи ограничиваемся болѣе скромной задачей—указать краткія болѣе или менѣе характерныя черты въ учебной и ученой дѣятельности нашей Академіи какъ до реформы, такъ и послѣ реформы 1869 г., при чемъ само собой должно выясниться до извѣстной степени значеніе для Академій этой реформы, а также и поправки къ ней въ 1884 году.

Древнія духовныя Академіи — XVII и XVIII вв. были разсадниками не духовнаго только, но и общаго образованія для всѣхъ поприць общественной дѣятельности. Съ учрежденіемъ и развитіемъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, духовно-учебныя заведенія, въ томъ числѣ и Академіи, должны были сдѣлаться спеціальными заведеніями для „образованія благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей Слова Божія“. Но спеціализированіе задачи духовныхъ Академій въ уставѣ 1814 г. не измѣнило радикально программы ихъ курса;

въ нихъ попережнему продолжали преподаваться, кромѣ наукъ богословскихъ, науки философскія, словесныя, историческія, математическія и языкованіе. Это явленіе объясняется всего прежде конечно школьнымъ преданіемъ, прочно укоренившимся. А потомъ оно имѣло за себя серьезныя практическія соображенія. При малочисленности свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ Александровское время духовнымъ школамъ было бы непрактично надѣяться, что тамъ приготовятъ для нихъ преподавателей по свѣтскимъ наукамъ. А главное, „самый образъ воспитанія юношества, посвященнаго Церкви, долженъ быть сообразенъ его назначенію и естественно отличенъ отъ направленія, какое дается воспитанникамъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній“. Этотъ особенный образъ воспитанія духовнаго юношества можетъ быть гораздо лучше и надежнѣе обезпеченъ, когда всѣ преподаватели духовно-учебныхъ заведеній выходятъ изъ нихъ же. Эти-то вѣскія соображенія и побудили составителей перваго устава духовныхъ Академій и семинарій оставить въ составѣ духовно-учебныхъ заведеній науки общаго образованія и приготовленіе преподавателей по этимъ предметамъ возложить на духовныя Академіи.

Въ 1860-хъ годахъ, когда былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, многимъ представлялось естественнымъ исключить свѣтскія науки изъ курса духовно-учебныхъ заведеній, по крайней мѣрѣ изъ курса академическаго. Имъ казалось возможнымъ получить преподавателей по этимъ предметамъ въ духовныхъ семинаріяхъ изъ университетовъ. Подобныя

голоса раздавались не только въ свѣтской, но и духовной печати (напр. прот. Базарова, Взглядъ на мнѣнія по поводу ожидаемаго преобразованія духовныхъ Академій. Хр. Чтен. 1867. т. I, стр. 838—848). Такое же мнѣніе было высказано и одной изъ Академій (С.-Петербургской). Но это мнѣніе, привлекательное съ логической стороны, должно было снова уступить указаннымъ выше практическимъ соображеніямъ, которыя не только не утратили своей силы съ теченіемъ времени, но, кажется, получили еще болѣе подтвержденія въ виду фактовъ современной дѣйствительности. Общеобразовательныя науки были оставлены въ академическомъ курсѣ по уставу 1869 г., и остаются и доселѣ, даже съ прибавкою новыхъ кафедръ (по философіи, словесности, гражданской исторіи). Опущены только физико-математическія науки, плохо привившіяся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Но какъ ни уважительны причины, по которымъ удерживаются въ составѣ академическаго курса науки общеобразовательнаго характера, надобно признать, что онѣ значительно осложняютъ дѣло академическаго преподаванія. Даже и при первомъ академическомъ уставѣ, когда курсъ богословскихъ наукъ былъ не такъ обширенъ, какъ нынѣ, обиліе предметовъ преподаванія въ Академіи оказалось обременительнымъ. И на первыхъ же порахъ въ С.-Петербургской Академіи, а потомъ и въ другихъ Академіяхъ пришли къ сознанію необходимости выдѣлить изъ числа общеобязательныхъ наукъ нѣкоторыя изъ свѣтскихъ наукъ, именно, науки историческія и физико-математическія и раздѣлить ихъ

на двѣ параллельныя группы, съ предоставленіемъ студентамъ права выбора одной изъ нихъ. Но въ сороковыхъ годахъ, при пересмотрѣ устава 1814 г., сочли нужнымъ снова сдѣлать все науки академическаго курса обязательными для всехъ студентовъ. И это—не смотря на то, что въ это же время было прибавлено къ составу академическаго курса значительное количество наукъ богословскаго и свѣтскаго характера (Чистов. Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи 1857. стр. 221. 299—301. 307. Смирновъ. Исторія Московской Дух. Академіи. Москва. 1879. стр. 58. 168—170). Понятно, что при множествѣ предметовъ преподаванія въ Академіяхъ ни наставники не находили потребнаго количества часовъ для преподаванія своего предмета, ни студенты не могли одинаково успѣвать по всемъ наукамъ. Практически дѣло сводилось къ тому, что студенты старались быть исправными по наукамъ болѣе важнымъ—по богословію догматическому и нравственному, которое всегда преподавалось ректоромъ да инспекторомъ, да еще по наукамъ философскимъ, а по прочимъ дѣло вели съ грѣхомъ пополамъ, не опасаясь невыгодныхъ послѣдствій при окончаніи курса. Особенно плохо приходилось свѣтскимъ наукамъ, которыя въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ третировались очень обидно даже со стороны академическаго начальства и нерѣдко прямо преслѣдовались, какъ напр. было въ Казанской Академіи при ректорахъ Агаангелѣ и Иннокентіи (Знаменскій. Исторія Казанской Академіи. I. 112. 238).

Въ 1860-хъ годахъ сознали ненормальность подобнаго порядка вещей и въ нѣкоторыхъ Академіяхъ (С.-Петербургской) снова завели прежнюю спеціализацію второстепенныхъ предметовъ (Чистов. С.-Петерб. Дух. Акад. 1889. стр. 28). А когда поднялся вопросъ о радикальномъ преобразованіи Академій, многопредметность академическаго курса была признана однимъ изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ прежняго порядка академическаго преподаванія. Къ устраненію этого недостатка предлагали различныя мѣры. Одни (напр. С.-Петерб. Академія) предлагали совсѣмъ устранить изъ академическаго преподаванія свѣтскія науки, а также исключить и нѣкоторыя изъ богословскихъ наукъ (патрологію, пастырское богословіе, гомилетику). Другіе, и притомъ огромное большинство, находили единственный исходъ въ спеціализаціи наукъ. Теперь предлагали спеціализировать ужъ не однѣ свѣтскія, но и богословскія науки. Расходились только въ подробностяхъ раздѣленія предметовъ по группамъ (Мнѣнія Арсенія Митрополита Кіевскаго, Антонія Архіепископа Казанскаго, Евсевія Архіепископа Могилевскаго, Иннокентія Митрополита Московскаго). Сами Академіи находили возможнымъ сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ студентовъ только важнѣйшія изъ богословскихъ и свѣтскихъ наукъ, а прочія раздѣлить на двѣ параллельныя группы—богословско-теоретическихъ и историческихъ наукъ, съ предоставленіемъ студентамъ права выбора одной изъ этихъ группъ (Проектъ Московской и Кіевской Академіи, а также частный проектъ, напеч. въ Хр. Чтен. 1867. ч. I, стр. 432—442). Комитетъ

по преобразованію духовныхъ Академій 1868 года на-
 шель нужнымъ выдѣлить въ особую третью группу
 науки философскія, словесныя и филологическія, подъ
 именемъ философскаго отдѣленія, а въ С.-Петербург-
 ской Академіи къ нимъ присоединить еще четвертое
 отдѣленіе—физико-математическое, съ спеціальною цѣ-
 лью приготовленія преподавателей этихъ предметовъ
 для духовныхъ семинарій. Преосвященнѣйшій Макарій
 Архіепископъ Литовскій, впоследствии Митрополитъ
 Московскій, находилъ необходимымъ спеціализировать
 изученіе академическихъ наукъ не только для облег-
 ченія студентовъ въ усвоеніи преподаваемыхъ наукъ,
 но и въ цѣляхъ чисто научныхъ; безъ спеціализаціи
 наукъ, по его мнѣнію, Академіи попрежнему будутъ
 ограничиваться одними общими курсами, не дающими
 обстоятельныхъ познаній. Согласно его мысли, коми-
 тетъ видоизмѣнилъ свой первоначальный проектъ и
 предложилъ ту схему спеціализаціи, какую мы видимъ
 въ уставѣ 1869 года, т. е. раздѣленіе большей части
 богословскихъ и свѣтскихъ наукъ на три параллель-
 ныя отдѣленія. Конечно никто не назоветъ образо-
 ваннымъ богословомъ человѣка, который познакомился
 основательно съ половиною богословскихъ наукъ, а
 о другой не имѣетъ никакого понятія. И немислимо
 было бы предлагать въ Академіи спеціализацію бого-
 словскихъ наукъ въ качествѣ мѣры улучшенія академи-
 ческаго преподаванія съ какою нибудь надеждою на
 успѣхъ, если бы не принималось въ расчетъ того обстоя-
 тельства, что въ студенты Академіи поступаютъ молодые
 люди, уже кончившіе полный курсъ богословскаго

образованія, хотя и въ среднемъ учебномъ заведеніи, но по программамъ весьма обширнымъ. При предположеніи хорошаго знакомства студентовъ съ богословіемъ по семинарскому курсу, представляется уже дѣломъ возможнымъ спеціальное занятіе ихъ въ Академіи однимъ извѣстнымъ отдѣломъ богословскихъ наукъ. Жаль только, что составители проекта устава 1869 г. вдалились въ крайность при спеціализаціи богословскихъ наукъ. Сдѣлай они вмѣсто трехъ два отдѣленія, какъ предлагалось во многихъ мнѣніяхъ Преосвященныхъ и въ мнѣніяхъ Академій, академическій курсъ представлялъ бы болѣе полноты и цѣлостности. Тогда всѣ главныя богословскія науки могли быть въ числѣ общеобязательныхъ. Еще болѣе поражаетъ своею крайностію спеціализація богословскихъ наукъ въ четвертомъ академическомъ курсѣ, какъ онъ былъ поставленъ по уставу 1869 года. Здѣсь предлагалось специалисту богослову заниматься однимъ, много—двумя богословскими науками изъ тѣхъ же, которыя уже прослушаны на первыхъ трехъ курсахъ. Предлагалось это для приготовленія къ магистерскому экзамену и къ преподаванію въ семинаріи. Но послѣдняя цѣль не достигалась на дѣлѣ, такъ какъ можно было преподавать въ семинаріи и такой предметъ, какимъ студентъ не занимался въ четвертомъ курсѣ, а съ другой стороны трудно было студенту послѣ окончанія курса найти въ семинаріяхъ праздную вакансію по предмету своей спеціальности. Магистерство тоже достигалось немногими студентами, представившими хорошую диссертацию. Такимъ образомъ, за исключеніемъ немногихъ единицъ, для большин-

ства студентовъ четвертый курсъ проидалъ даромъ. А между тѣмъ такой постановкой дѣла отнимался цѣлый годъ отъ обыкновеннаго преподаванія къ ущербу полноты академическаго курса. На эти крайности спеціализаціи было обращено вниманіе церковнаго правительства со стороны многихъ нашихъ Архипастырей, на предварительное разсмотрѣніе которыхъ былъ предложенъ проектъ устава 1869 г.; объ нихъ заявлено было профессорами Академій, въ томъ числѣ и нашей, Преосвященнѣйшему Макарію Митрополиту Московскому во время производства имъ ревизіи Академій въ 1874—1875 годахъ, а потомъ во второй разъ въ 1880 году, по поводу нарочитаго запроса, обращеннаго высшимъ начальствомъ къ Академіямъ, о томъ, какія измѣненія, по указаніямъ опыта, было бы желательно произвести въ уставѣ 1869 г. Эти недостатки устранены въ дѣйствующемъ уставѣ 1884 года. Теперь четвертый курсъ академическаго преподаванія назначенъ для обыкновенныхъ лекцій; только, для большаго удобства студентовъ въ приготовленіи курсовыхъ сочиненій, лекцій на этомъ курсѣ полагается вдвое меньше противъ первыхъ трехъ курсовъ. Благодаря этому, теперь явилась возможность сдѣлать большую часть богословскихъ наукъ обязательными для всѣхъ студентовъ, а къ спеціальнымъ отнести только немногія изъ наукъ богословскихъ и общеобразовательныхъ, съ раздѣленіемъ ихъ на двѣ параллельныя группы.

Курсъ наукъ академическаго преподаванія въ настоящее время несравненно шире курса перваго академическаго устава. Возьмемъ науки богословскія. Въ

уставѣ 1814 г. и въ Обзорѣніи богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію въ высшихъ духовныхъ училищахъ (Сиб. 1814), изданномъ отъ комиссіи духовныхъ училищъ, значится семь богословскихъ наукъ: чтеніе св. Писанія, герменевтика, богословіе догматическое, нравственное, полемическое, собесѣдовательное и правительственное. Церковная исторія общая и русская причислялась къ наукамъ историческаго класса, а не богословскаго. Съ теченіемъ времени, особенно послѣ пересмотра устава 1814 г., въ концѣ 1830-хъ годовъ, стали постепенно выдѣляться изъ общаго состава богословія новыя богословскія науки. Такъ, въ Кіевской Академіи при ректорѣ Иннокентіи преподавалась въ видѣ отдѣльной науки такъ называемая религіозистика—ученіе объ основныхъ вопросахъ религіи вообще и христіанской въ частности. Этимъ же ректоромъ введена была въ Кіевской Академіи еkkлeзіастика—ученіе о Церкви, о вѣрѣ, о богослуженіи и управленіи (Труды Кіев. Акад. 1869 т. 4. стр. 95—96). Затѣмъ явились въ академическомъ курсѣ—литургика, входившая прежде своимъ матеріаломъ частію въ церковную исторію, частію въ догматику (въ С.-Пет. Акад. съ 1839 г.), пастырское богословіе, составлявшее прежде одинъ изъ отдѣловъ нравственнаго богословія (называвшійся христіанскимъ благоразуміемъ), патристика (съ 1841 г.), ученіе о расколѣ, преподававшееся до 1853 г. въ составѣ обличительнаго богословія. Но положеніе новыхъ богословскихъ наукъ было не прочное. Еще свѣжо было въ началѣ текущаго столѣтія преданіе старой Академіи, гдѣ все богословіе было въ распоряженіи одного пре-

подавателя, и гдѣ оно преподавалось въ видѣ отдѣльных трактатовъ самаго разнообразнаго богословскаго содержанія. И теперь еще на новыя богословскія науки смотрѣли скорѣе какъ на отдѣлы одного и того же богословія, чѣмъ какъ на особыя отрасли богословія, имѣющія свою относительную самостоятельность. Введеніе и закрытіе ихъ зависѣло отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, а главное, отъ усмотрѣнія мѣстнаго начальства (Объяснит. записка на первый проектъ устава 1869 г. стр. 5. 10). Отъ этого были не рѣдки примѣры введенія извѣстной науки въ разныхъ Академіяхъ въ разное время. Напр. Введеніе въ богословіе преподавалось въ Кіевской Академіи въ видѣ особой науки уже въ 1830-хъ годахъ (подъ именемъ религіозистики), а въ Петербургской Академіи оно введено въ 1844 г., въ Казани въ 1856 году. Церковное право, которое положено было читать въ видѣ отдѣльной науки въ уставѣ 1814 г. и въ Обзорѣни богословскихъ наукъ, изд. отъ комиссіи духовныхъ училищъ, на дѣлѣ выдѣлилось изъ состава догматики въ особую науку только въ 1840-хъ годахъ (Чистов. Исторія С.-Петербургской Акад. 292. Смирновъ. Исторія Моск. Акад. стр. 44. Труды Кіев. Акад. 1869. т. 4, стр. 99). Герменевтика, значащаяся въ качествѣ особой науки въ Обзорѣни богословскихъ наукъ 1814 г., въ Казанской Академіи читалась особо очень недолгое время, въ 1853—1856 гг., благодаря настоянію ректора Пароенія (Знаменскій. Исторія Каз. Акад. II, 183—184). Ректоръ нашей Академіи Агаѳангель не цѣнилъ физико-математическихъ наукъ и закрылъ въ нашей Академіи кафедру мате-

матики (Знам. II, 79). Ректоръ Іоаннъ Соколовъ не долюбивалъ гомилетики и распорядился соединить ее со словесностію (Знам. I, 162). Онъ переформировалъ также миссіонерскія отдѣленія, сдѣлавъ миссіонерскіе предметы обязательными для всѣхъ студентовъ (Знам. II. 391. 414—415). Сдѣлавшись ректоромъ С.-Петербургской Академіи, Іоаннъ и тамъ принялся ломать и строить посвоему курсъ академическаго преподаванія. И тамъ онъ представилъ начальству о закрытіи каѳедры гомилетики, мотивируя свое представленіе „скудостію содержанія и практическою несостоятельностью этой науки“ (Чист. С.-Пет. Дух. Акад. 1889. стр. 33). Подобное же гоненіе было воздвигнуто имъ и противъ самостоятельнаго существованія Введенія въ богословіе, подъ тѣмъ предлогомъ, будто оно сдѣлано особой наукой безъ особенно уважительныхъ причинъ, а по тому исключительному обстоятельству, что напечатана въ этомъ видѣ особая книга (Введеніе въ богословіе Макарія), по личной инициативѣ самого автора книги (тамъ же, стр. 32). Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть двусмысленное положеніе новыхъ богословскихъ наукъ, не имѣвшихъ прочнаго основанія въ уставѣ 1814 года. Неопредѣленность ихъ положенія усугублялась еще отъ того обстоятельства, что большею частію съ введеніемъ новой науки не соединялось открытія соотвѣтственной каѳедры; нововведенную науку обыкновенно поручали для преподаванія одному или нѣсколькимъ изъ наличныхъ преподавателей, уже занятыхъ преподаваніемъ другихъ наукъ. Напр. преподаваніе патри-

стики въ С.-Петербургской Академіи было сначала поручено преподавателю греческаго языка, а преподаваніе ученія о русскомъ расколѣ раздѣлено между тремя наставниками—ректоромъ Макаріемъ, преподавателями обличительнаго и пастырскаго богословія (Чистовичъ. Ист. Спб. Ак. 288). Подобная же исторія была въ нашей Академіи съ миссіонерскими науками, о которыхъ рѣчь впереди (Знам. II, 9. 11).

Въ уставѣ 1869 г. всѣ вновь явившіяся богословскія науки упрочены въ своемъ положеніи назначеніемъ для нихъ особыхъ преподавательскихъ кафедръ; да кромѣ того, къ нимъ присоединены еще новыя науки: библейская археологія, церковная археологія, исторія литературы русской и иностранной, русскій языкъ съ славянскими нарѣчійми. Нѣкоторыя изъ прежнихъ наукъ расширены въ преподаваніи раздѣленіемъ ихъ на двѣ, на три кафедры: св. Писаніе, церковная исторія, гражданская исторія, словесность, философія. Изъ прежнихъ наукъ исключены въ уставѣ 1869 года герменевтика и физика съ математикой. Нужно сознаться, что составъ наукъ академическаго преподаванія по уставу 1869 г. удовлетворяетъ самымъ серьезнымъ научнымъ запросамъ. Уставъ 1884 г. почти во всемъ согласенъ въ этомъ отношеніи съ уставомъ 1869 г.

Не можемъ умолчать, что въ составѣ наукъ академическаго преподаванія по уставу 1869 г. заключается въ одномъ пунктѣ нѣкоторый регрессъ сравнительно съ уставомъ 1814 года, — это въ постановкѣ преподаванія новыхъ языковъ. По прежнему уставу,

были обязательны для студентовъ Академіи два новыхъ языка—нѣмецкій и французскій, а въ семинаріи одинъ изъ нихъ. Нынѣ въ семинаріи новые языки совсѣмъ не обязательны, а въ Академіи обязательны только одинъ какой нибудь. Да и въ этихъ языкахъ успѣхи игнорируются при оцѣнкѣ занятій студентовъ. Поэтому нынѣ большая часть студентовъ являются въ Академіи съ слабымъ знаніемъ новыхъ языковъ, даже безъ всякаго знакомства съ ними, а въ Академіи тоже не особенно усердно занимаются ими. Отсюда выходитъ, что многіе студенты оказываются не въ состояніи пользоваться научными пособіями на иностранныхъ языкахъ. А между тѣмъ надобность въ этомъ нынѣ въ нѣсколько разъ сильнѣе противъ прежняго времени. Кажется, надобно пожелать, въ интересахъ науки и для благоуспѣшности студентовъ въ занятіяхъ сочиненіями, чтобы сдѣлано было въ этомъ отношеніи какое нибудь цѣлесообразное измѣненіе.

Важную особенность курса наукъ въ Казанской Академіи составляетъ миссіонерское отдѣленіе для просвѣщенія инородцевъ. При самомъ учрежденіи нашей Академіи было предположено преподавать здѣсь, сверхъ общихъ предметовъ академическаго преподаванія, еще предметы миссіонерскіе, сообразно съ мѣстными духовными потребностями Казанскаго духовно-учебнаго округа (Ук. Свн. 25 мая 1842. п. 8). Предположеніе это осуществлено Правленіемъ Академіи въ 1844 г. Дѣло началось преподаваніемъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ — турецко-татарскаго съ арабскимъ и монгольскаго съ калмыцкимъ. Затѣмъ, главнымъ обра-

зомъ по мысли и по настоянію Преосвященнаго Григорія, изученіе миссіонерскихъ предметовъ было выдѣлено въ особое миссіонерское отдѣленіе. Это было въ 1854 году. Вмѣстѣ съ этимъ къ изученію языковъ присоединено преподаваніе этнографіи и вѣроученія инородцевъ и миссіонерской педагогики. Студенты, изучающіе миссіонерскіе предметы, были освобождены отъ изученія исторіи, философіи, математики и естественныхъ наукъ. Миссіонерскіе предметы преподавались съ цѣлію приготовленія наставниковъ семинарій по инородческимъ языкамъ и миссіонеровъ. Однако же для организаціи миссіонерскаго служенія не было ничего сдѣлано не только теперъ, но и долгое время послѣ того; этимъ обстоятельствомъ значительно парализовано было практическое значеніе миссіонерскаго отдѣленія. При введеніи академическаго устава 1869 г. существованіе миссіонерскаго отдѣленія при нашей Академіи подверглось вопросу. Въ этомъ уставѣ не было ничего сказано о существованіи такого отдѣленія при нашей Академіи. Только вслѣдствіе усиленнаго ходатайства со стороны Академіи и особенно Преосвященнаго Антонія, св. Синодъ нашель возможнымъ допустить отступленіе отъ униформы — преподаваніе миссіонерскихъ предметовъ въ особые часы, сверхъ назначенныхъ уставомъ для другихъ наукъ, для тѣхъ изъ студентовъ, которые добровольно заявятъ желаніе заняться этими предметами. Дѣло очевидно наклонялось къ закрытію миссіонерскаго отдѣленія. Къ счастью, такое отношеніе къ миссіонерскому отдѣленію въ высшихъ сферахъ скоро смѣнилось другимъ противополо-

ложнымъ направлениемъ. Въ дѣйствующемъ академическомъ уставѣ 1884 г. (§ 102. 103. 107) принята во вниманіе первоначальная цѣль учрежденія Казанской Академіи и въ немъ къ общему курсу академическихъ наукъ присоединена группа предметовъ миссіонерскихъ, раздѣляющихся на два отдѣла—татарскій и монгольскій. На миссіонерской группѣ положено преподавать, кромѣ инородческихъ языковъ — татарскаго съ арабскимъ и монгольскаго съ калмыцкимъ и бурятскимъ,—еще этнографію инородцевъ, исторію и обличеніе магометанства и ламайства и исторію распространенія христіанства между нашими восточными инородцами. Для преподаванія миссіонерскихъ предметовъ въ Казанской Академіи положено по штату, сверхъ общаго числа штатныхъ преподавателей, еще два ординарныхъ профессора, одинъ профессоръ экстраординарный, одинъ доцентъ и два практиканта. Студенты избираютъ миссіонерскіе предметы добровольно; студентъ, избравшій одинъ изъ миссіонерскихъ отдѣловъ — татарскій или монгольскій, освобождается отъ изученія наукъ, входящихъ въ одну изъ спеціальныхъ группъ общаго академическаго курса, за исключеніемъ одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ. Постановка миссіонерскихъ предметовъ—очень прочная и благопріятная, сравнительно съ прежнимъ неустойчивымъ положеніемъ ихъ. Остается только пожелать, чтобы также серьезно и послѣдовательно были намѣчены пути приложенія миссіонерскихъ знаній къ дѣлу просвѣщенія инородцевъ. И это дѣло теперь подвигается впередъ. Къ числу такихъ мѣръ относится дозволеніе св. Су-

нода въ 1889 году, по ходатайству Преосвященнаго Павла, учредить при миссіонерскомъ отдѣленіи сокращенные двухгодичные курсы для лицъ, не поступающихъ въ студенты Академіи, но желающихъ основательно подготовиться къ миссіонерству и присылаемыхъ съ этою цѣлю Преосвященными тѣхъ епархій, въ которыхъ находится инородческое мусульманское и языческое населеніе. Кромѣ того, тѣмъ же указомъ св. Синода 17 мая 1889 г. разрѣшено сдѣлать доступнымъ болѣе или менѣе продолжительное посѣщеніе академическихъ миссіонерскихъ уроковъ для миссіонеровъ, проѣзжающихъ чрезъ Казань къ мѣстамъ ихъ назначенія, или и нарочито съ этою цѣлю пріѣзжающихъ въ Казань, а равно посѣщеніе миссіонерскихъ уроковъ для священниковъ инородческихъ приходоу Казанской епархіи, не поступающихъ официально въ число учащихся на миссіонерскихъ курсахъ, но желающихъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія и совѣты по миссіонерскимъ дѣламъ (Отчетъ Акад. 1888—1889 г. стр. 31—39).

Въ 1854 году, по мысли Митрополита Григорія, было открыто при Казанской Академіи еще миссіонерское отдѣленіе противъ раскола на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ существовало тогда въ нашей Академіи и миссіонерское отдѣленіе противъ инородцевъ. Нужно замѣтить, что противораскольническое отдѣленіе было и при другихъ академіяхъ. Оно существовало до устава 1869 г. Въ настоящее время исторія и обличеніе раскола входитъ въ одну изъ двухъ группъ спеціальныхъ предметовъ общаго академическаго курса (Уст. 1884. § 101).

Методъ преподаванія богословскихъ наукъ въ періодъ дѣйствія перваго академическаго устава былъ теоретическій. Созерцательное богословіе, какъ называлась тогда догматика, вмѣстѣ съ нравственнымъ и обличительнымъ богословіемъ составляло корень богословія и вліяло импонирующимъ образомъ и на преподаваніе другихъ богословскихъ наукъ. Съ теченіемъ времени однако, по мѣрѣ распространенія интереса къ историческому знанію, стали обращаться къ помощи историческаго матеріала и для освѣщенія вопросовъ положительнаго богословія, и сталъ входить въ употребленіе историко-генетическій способъ въ построеніи богословскихъ наукъ. Въ видѣ частныхъ и начальныхъ опытовъ подобное построеніе богословскихъ системъ встрѣчается въ академическомъ преподаваніи довольно рано—въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ, напр. въ Кіевской Академіи при Иннокентіи (Труды Кіев. Акад. 1869. т. 4, стр. 97—98), а въ Москвѣ при Филаретѣ Гумилевскомъ (Смирновъ. Ист. Моск. Акад. 20. 36). Преобладающимъ этотъ методъ сдѣлался въ концѣ 1850-хъ и въ 1860-хъ годахъ. Этотъ методъ занятій богословіемъ былъ ближайшей причиной появленія новыхъ богословскихъ наукъ, направленныхъ къ изученію историческаго матеріала, каковы: патристика, библейская и церковная археологія, сравнительное богословіе, исторія проповѣдничества. Это направленіе было причиной умноженія кафедръ церковной и даже гражданской исторіи.

Въ нашей Академіи въ теченіе первыхъ пяти курсовъ, до половины 1850-хъ годовъ, господствовало

также теоретико-риторическое направлѣніе въ преподаваніи богословія. Благодаря такому методу, у нѣкоторыхъ, менѣе способныхъ богослововъ лекціи по богословію носили такой смѣшанный характеръ по своему содержанію, что годились и къ той, и къ другой и къ третьей богословской наукѣ (напр. къ св. Писанію, основному богословію и догматикѣ, или: къ гомилетикѣ, нравственному и пастырскому богословію и литургикѣ). Съ половины 50-хъ годовъ начинается и у нея пробиваться интересъ къ историческому знанію. Пробужденію интереса къ историческому знанію болѣе всѣхъ другихъ наставниковъ по времени содѣйствовалъ профессоръ общей церковной исторіи о. Веніаминъ Благовраховъ, покойный Архіепископъ Иркутскій, который въ этомъ отношеніи имѣлъ значеніе въ нашей Академіи подобное тому, какое принадлежитъ Горскому въ исторіи преподаванія Московской Академіи. Введеніе миссіонерскихъ предметовъ преподаванія въ 1854 г. открыло предъ студентами новое обширное поприще увлекательныхъ занятій историческаго и этнографическаго характера. Прибытіе въ Академію Соловецкой библіотеки доставило Академіи новый обильный матеріалъ для изученія русской церковной и гражданской исторіи. Студенты, по распоряженію ректора, приглашены были описывать сборники и другія рукописи Соловецкой библіотеки, составляли реестры ихъ содержанія, и увлекшись имъ, тутъ же прочитывали, что казалось имъ замѣчательнымъ. Этотъ простой фактъ близкаго соприкосновенія студентовъ съ архивнымъ матеріаломъ сказался быстрымъ возбужденіемъ среди студентовъ интереса къ истори-

ческому знанію. Курсовыя сочиненія студентовъ VII и VIII курсовъ были написаны уже исключительно на церковно-историческія темы. А изъ VI курса, при которомъ началось это научное направленіе, вышли три преподавателя Академіи — Щаповъ, Добротворскій и Лиловъ, которые стали вождями новаго научнаго направленія въ Академіи—на кафедрахъ русской исторіи, русскаго раскола и славянской палеографіи. Это научное направленіе отразилось на преподаваніи и другихъ наукъ академическаго курса, напр. въ преподаваніи словесности главный интересъ сосредоточился на исторіи русской литературы. Естественно, и отъ богословія стали ожидать новаго историческаго метода преподаванія. Этотъ научный запросъ былъ удовлетворенъ съ появленіемъ въ 1858 г. на кафедрѣ основнаго и обличительнаго богословія о. Хрисанѳа Ретивцева. Преподавательская дѣятельность этого талантливаго профессора составляла эпоху въ исторіи преподаванія богословскихъ наукъ въ нашей Академіи, наложившую свою печать на характеръ преподаванія богословія въ послѣдующее время (Знам. II, 255—262. 273. III, 277—283).

Историческій методъ преподаванія богословскихъ наукъ получилъ положительную санкцію въ уставѣ 1869 года, гдѣ внушается преподавать догматическое богословіе съ историческимъ изложеніемъ догматовъ. Однако же историческое изложеніе догматовъ не должно служить въ подрывъ систематическаго построенія догматическаго богословія. Наша Академія получила нарочитое разъясненіе этого вопроса въ указѣ св. Синода 31 марта 1875 г. по поводу ревизіи Академіи

Митрополитомъ Макаріемъ. Въ немъ сказано, что нельзя допустить, чтобы преподаватель догматики въ Академіи посвящалъ все свое время историческому изложенію догматовъ. совершенно оставляя въ сторонѣ систему положительной догматики, на томъ основаніи, что Академіи имѣютъ цѣлю не только готовить ученыхъ писателей, но главнымъ образомъ преподавателей семинаріи, а сіи послѣдніе съ однимъ семинарскимъ знаніемъ систематическаго богословія не могутъ быть признаны достаточно подготовленными къ своему дѣлу (Проток. 1875. стр. 70). Въ уставѣ 1884 г. не упомянуто объ историческомъ изложеніи догматовъ. Но конечно уставъ не хотѣлъ сказать этимъ умолчаніемъ, что въ русской православной богословской литературѣ не нужны и не уместны солидныя и важныя въ научномъ отношеніи изслѣдованія по исторіи догматовъ, въ родѣ сочиненія петербургскаго профессора Катанскаго „Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцевъ и учителей Церкви до Оригена включительно“ (1877), или монографій профессоровъ нашей Академіи—Снегирева „Ученіе о лицѣ Господа І. Христа въ первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства“ (1871), Виноградова „Догматическая система св. Григорія Богослова“ (1881), Гусева Д. В. „Догматическая система св. Иринея Ліонскаго въ связи съ гностическими ученіями II вѣка“ (Прав. Соб. 1874. II. 181. III. 3). Конечно всякій образованный богословъ пожелаетъ, чтобы подобныя сочиненія являлись и на будущее время и возможно чаще. Во всякомъ случаѣ, упомяну-

тое умолчаніе не можетъ быть истолковано въ смыслѣ признанія неумѣстности историческаго метода въ изложеніи всѣхъ богословскихъ наукъ вообще.

Преподаваніе въ Академіяхъ производилось по конспектамъ, утвержденнымъ начальствомъ. По уставу 1814 г., профессоръ при открытіи каждаго курса долженъ былъ представить конспектъ или распорядокъ матерій и времени, коему онъ полагаетъ слѣдовать въ преподаваніи своей части. Конспектъ подавался ректору, а послѣднимъ по исправленіи Правленію на утвержденіе. Подлинныя конспекты профессорскіе оставались въ академическомъ Правленіи на храненіе, а профессору выдавалась для руководства копія съ представленнаго имъ конспекта, утвержденаго Правленіемъ. Кромѣ того, посылалась копія со всѣхъ конспектовъ въ комиссію духовныхъ училищъ для свѣдѣнія. Въ конспектахъ профессора должны были указать авторовъ или учебныя книги, которымъ они намѣрены слѣдовать въ своихъ лекціяхъ. При этомъ уставъ требуетъ, чтобы авторы и учебныя книги профессоровъ были избираемы въ своемъ родѣ самыя лучшіе и чтобы они всегда держались на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ (Уст. 1814. § 189—123). Но эта относительная свобода профессоровъ составлять конспекты своихъ лекцій и избирать пособія на первыхъ же порахъ жизни Академій была ограничена попеченіями комиссіи духовныхъ училищъ. При началѣ втораго курса С.-Петербургской Академіи комиссія духовныхъ училищъ нашла нужнымъ ввести единообразное преподаваніе наукъ во всѣхъ духовныхъ

Академіяхъ и для этого поручила С.-Петербургскому академическому Правленію составить конспекты по всѣмъ главнѣйшимъ предметамъ академическаго преподаванія. По богословскимъ предметамъ конспектъ былъ составленъ профессоромъ богословія архимандритомъ Филаретомъ, впослѣдствіи Митрополитомъ Московскимъ, и по напечатаніи былъ посланъ къ руководству въ Московскую, а потомъ въ Кіевскую Академію. Посланы были конспекты и по всѣмъ прочимъ наукамъ въ письменномъ видѣ. Таже процедура повторилась и послѣ открытія нашей Академіи. При введеніи въ академическій курсъ всякой новой науки комиссія духовныхъ училищъ опять озабочивалась составленіемъ конспекта съ указаніемъ учебныхъ пособій. Такъ напр. было при введеніи основнаго богословія, педагогики (Чистов. Истор. С.-Пет. Акад. 271—272. 276. 34—36), естественныхъ наукъ (Знам. II. 250). Иногда комиссія духовныхъ училищъ находила нужнымъ подвергнуть пересмотру всё вообще программы академическаго преподаванія и для этого требовала свѣдѣній и мнѣній отъ ректоровъ Академій и отъ академическихъ конференцій. Такъ напр. было въ 1837 году (Чистов. Ист. С.-Пет. Акад. стр. 424—426. Смирн. Истор. Московк. Акад. стр. 112).

Съ подобною же ревностію хлопотала комиссія духовныхъ училищъ о составленіи учебныхъ руководствъ для Академій. Она обращалась съ своими порученіями въ этомъ смыслѣ сначала къ Правленію С.-Петербургской Академіи, а потомъ и къ другимъ Академіямъ и къ служащимъ въ нихъ профессорамъ.

Но составлять учебныя руководства не такъ легко, какъ конспекты преподаванія, и составленіе учебныхъ руководствъ пло не такъ бойко. Первыми учебными руководствами были признаны: Начертаніе исторіи и древностей церковныхъ отъ начала міра до конца перваго вѣка по Р. Хр., составленное архимандритомъ Филаретомъ, и Продолженіе церковной исторіи и древностей церковныхъ отъ II до XVII в. по Р. Хр., составленное архимандритомъ Иннокентіемъ. Потомъ были составлены руководства ректоромъ С.-Петербургской Академіи, арх. Макаріемъ — по введенію въ богословіе, по догматикѣ и по исторіи и обличенію раскола, профессоромъ той же Академіи архимандритомъ Кирилломъ Пастырское богословіе въ 1853 г. (Чистов. Истор. С.-Пет. Акад. 238—239. 277. 281—285. 290), проф. Кіевской Академіи Амфитеатровымъ Руководство по гомилетикѣ, ректоромъ Московской Академіи Филаретомъ Гумилевскимъ Руководство по патристикѣ (Смирн. Истор. Моск. Акад. 114). Учебныя руководства, введенныя по распоряженію высшаго духовно-училищнаго начальства, сохраняли свое значеніе впредь до замѣны ихъ новыми руководствами. Эта замѣна могла совершиться и по инициативѣ профессоровъ Академій и академическихъ конференцій. Въ начертаніи правилъ (§ 106) сказано объ этомъ слѣдующее: Если профессора Академій или семинарій пожелаютъ замѣнить учебныя руководства своими сочиненіями: тогда сочиненія сіи они обязаны прежде всего представить въ цензурный комитетъ; а если онъ признаетъ ихъ по системѣ лучшими или по

методъ удобнѣйшими, нежели прежнія: тогда съ мнѣніемъ своимъ представляетъ конференціи, а сія — комиссіи духовныхъ училищъ. Если комиссія одобритъ сіе представленіе: тогда сочиненіе обращается въ классическое, а сочинитель получаетъ награду (Сравн. уст. 1814. § 352—358). Случаи подобнаго рода были нечасты, и нѣкоторыя изъ учебныхъ пособій, рекомендованныхъ комиссіей духовныхъ училищъ, оставались таковыми во все время дѣйствія устава 1814 г., напр. Начертаніе церковной исторіи и древностей митр. Филарета.

Конспекты преподаванія и учебныя руководства, одобренные комиссіей духовныхъ училищъ и разосланные по Академіямъ, имѣли значеніе руководственное; они не исключали самодѣтельности профессоровъ—каждаго въ своей спеціальности—и улучшеній и измѣненій какъ относительно содержанія, такъ и изложенія предмета. Были однако же въ исторіи Академій факты, когда профессора Академіи должны были отвѣчать и за небольшую долю самодѣтельности въ своей области. Такъ, въ 1825 г. 12 іюня Московская Академія, а вѣроятно и другія Академіи, получила изъ комиссіи духовныхъ училищъ предписаніе слѣдующаго рода: Доходитъ до свѣдѣнія комиссіи духовныхъ училищъ, что нѣкоторые изъ учащихся въ Академіяхъ и семинаріяхъ, подъ предлогомъ недостаточности книгъ учебныхъ, пишутъ собственные свои уроки и списываніемъ ихъ много обременяють учащихся, вопреки училищному уставу, а нѣкоторые, избирая въ руководство, по своему произволу, писателей иностран-

ныхъ, при изъясненіи предметовъ богословскихъ уклоняются въ излишнія умствования. Въ пресѣченіе сего безпорядка, и для соблюденія единообразія во всѣхъ училищахъ духовныхъ, комиссія за нужное признала положить извѣстные предѣлы, изъ которыхъ не должны выходить наставники, и подтвердить имъ, чтобы впредь до составленія отъ комиссіи полнѣйшаго круга учебныхъ книгъ, болѣе соответственныхъ своей цѣли, ученіе преподавалось именно по слѣдующимъ книгамъ: въ Академіяхъ въ богословскомъ классѣ для богословія догматической и дѣятельной употреблять руководство Теофилакта Переяславскаго и т. д. (Смирн. Ист. Моск. Акад. 19). Историкъ Московской Академіи свидѣтельствуетъ, что это предписаніе комиссіи духовныхъ училищъ было понято и исполнено Академіей въ томъ смыслѣ, что студенты должны руководствоваться книгой Теофилакта, а наставникъ можетъ читать въ классѣ лекціи по своему плану, только не уклоняясь въ излишнія умствования, встрѣчающіяся у иностранныхъ авторовъ. Иначе, прибавляетъ историкъ, чтеніе печатнаго богословія въ классѣ показалось бы для слушателей дѣломъ вообще незанимательнымъ. Однако же это не единственный случай въ своемъ родѣ; другой случай знаетъ тоже Московская Академія уже изъ 1850-хъ годовъ. Въ 1850 году бакалавръ библейской исторіи имѣлъ неосторожность написать въ донесеніи, поданномъ предъ экзаменомъ, что онъ преподавалъ исторію по собственнымъ запискамъ. Митрополитъ Филаретъ написалъ на донесеніи: желаю видѣть записки и узнать настоящую въ нихъ надобность,

когда есть учебная книга и когда для студентов много письменной работы по предметам, не имѣющимъ учебныхъ книгъ. Въ объясненіи, которое затѣмъ потребовано было отъ неосторожнаго бакалавра, онъ долженъ былъ отречься отъ своихъ словъ, сказавъ, что употребленное имъ выраженіе не точно, что онъ при преподаваніи держится строго назначеннаго учебнаго руководства и только позволяетъ себѣ дѣлать нѣкоторыя дополненія и поясненія къ тому, что сказано въ немъ кратко, и для этого употребляетъ замѣтки, съ которыми справляется, не надѣясь на свою память (Смирн. Ист. Моск. Акад. 42—43). Изъ представленныхъ примѣровъ можно видѣть, какъ затруднительно было подъ часъ положеніе наставниковъ Академіи въ дореформенное время.

Къ счастью, случаи въ родѣ приведенныхъ выше были не часты въ жизни Академіи. Въ нашей Академіи только ректоры Агаѳангель и Иннокентій напоминали профессорамъ объ обязанности держаться печатныхъ учебниковъ, прочіе не стѣсняли профессоровъ (Знам. I, 113. III, 251). Печатныя руководства употреблялись у насъ только для официальной отчетности по преподаванію — для приготовленія студентовъ къ экзаменамъ и для составленія профессорами экзаменскихъ конспектовъ. Лекціи же профессоровъ шли своимъ чередомъ, по ихъ собственнымъ программамъ и по избраннымъ ими руководствамъ. Онѣ носили какой-то домашній характеръ — интимныхъ бесѣдъ профессора со студентами, которые слушали эти бесѣды не потому, чтобы имъ предстояло дать отчетъ на экзаменѣ

въ содержаніи этихъ бесѣдъ, а по чисто научнымъ побужденіямъ. Впрочемъ и по отношенію приготовленія студентовъ къ экзаменамъ, практика нашей Академіи, а также и другихъ Академій не исключала записокъ, данныхъ преподавателемъ. Напротивъ, очень нерѣдко профессоры сдавали студентамъ для приготовленія къ экзаменамъ свои краткія записки, иногда имѣющія связь съ тѣмъ, что читано на лекціяхъ. Начальство мѣстное и центральное съ своей стороны заботилось о томъ, чтобы составленіе записокъ для репетицій и экзаменовъ не было поручаемо студентамъ и чтобы записки, сдаваемые профессорами, были какъ можно короче, заключали въ себѣ самое существенное изъ того, что преподано въ классѣ. Чтобы избавить студентовъ отъ переписки даже краткихъ записокъ, академическое начальство нерѣдко прибѣгало къ литографированію ихъ. Такъ, въ 1851 г. были изданы записки по физикѣ, исторіи, философій, психологіи и метафизикѣ; при ректорѣ Иннокентіи были отлитографированы лекціи проф. Порфирьева по общей грамматикѣ и эстетикѣ, Красина по физикѣ и Митропольскаго по психологіи (Знам. II, 21. 26. 56. 59. 68. 88. 104. 142. 178. 194—195. III. 249—251). Подобная практика была совершенно согласна съ уставомъ 1814 г., который запрещалъ диктованіе лекцій въ классѣ и записываніе ихъ студентами (§ 19). Эта практика имѣла въ себѣ много хорошаго; она давала студенту достаточно времени для домашнихъ самостоятельныхъ занятій, состоящихъ въ чтеніи книгъ и въ сочиненіяхъ, которыя особенно рекомендовались этимъ уставомъ.

Уставъ 1869 г. проникнуть довѣріемъ къ ученой и преподавательской компетентности профессоровъ. Онъ предполагаетъ, что профессоры знакомы съ современными научными требованіями и не захотятъ въ своихъ лекціяхъ и въ своихъ программахъ стоять ниже этихъ требованій. По этому уставу, профессоры представляютъ по начальству программы своихъ лекцій, и начальство, утвердивши своей санкціей эти программы, потомъ слѣдитъ за исполненіемъ ихъ, а также за направленіемъ лекцій профессора. Такимъ образомъ сохраняется за профессоромъ известная доля свободы и инициативы въ своемъ дѣлѣ и обеспечивается направление преподаванія, приличное духовно-учебному заведенію. Тотъ же порядокъ сохраненъ и въ уставѣ 1884 г.; только здѣсь начальственное наблюденіе за выполненіемъ программъ и направленіемъ лекцій профессоровъ значительно усилено сравнительно съ уставомъ 1869 г. тѣмъ, что нераздѣльно сосредоточено въ лицѣ ректора Академіи, какъ ея начальника.

Со времени устава 1869 г. потеряли свою силу прежнія распоряженія духовно-учебнаго управленія объ учебныхъ пособіяхъ въ Академіяхъ. Выборъ учебныхъ руководствъ съ тѣхъ поръ предоставленъ профессорамъ. Фактически только немногія изъ прежнихъ руководствъ сохранили свое значеніе. Это объясняется съ одной стороны новой постановкой и новымъ методомъ преподаванія въ реформированной Академіи сравнительно съ прежнимъ временемъ, и еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что нынѣ экзамены потеряли свой прежній формально-показной характеръ, наоборотъ

нынѣ требуется, чтобы отвѣты студентовъ по своему содержанію болѣе или менѣе соответствовали тому, что было преподано на лекціяхъ. Отсюда нынѣ въ большомъ ходу записываніе лекцій за профессоромъ, чтобы руководствоваться ими при приготовленіи къ экзамену. Въ 1870 году, при самомъ введеніи устава 1869 г., возникъ вопросъ о примѣненіи къ духовнымъ Академіямъ VII пункта Высочайше утвержденныхъ 8 іюня 1869 г. дисциплинарныхъ правилъ для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ говорится о литографированіи лекцій профессоромъ. По сношеніи съ Академіями, св. Синодъ 31 дек. 1870 г. постановилъ: литографированіе лекцій и конспектовъ дозволить только профессорамъ. Литографированныя лекціи могутъ, по желанію издателей, быть пущены въ продажу на ряду съ печатными книгами; тогда онѣ издаются на счетъ профессоромъ и по общимъ правиламъ, установленнымъ для литографированія. Но могутъ быть литографированы лекціи и только для внутренняго употребленія въ стѣнахъ Академіи; тогда онѣ издаются на счетъ казенныхъ средствъ по статьѣ содержанія студентовъ (Проток. 1870. стр. 27. 29. 34—36. 1871. стр. 12—14. 1874. 23—25). Но правила, установленныя св. Синодомъ для литографированія лекцій, остаются безъ примѣненія на практикѣ. Записи профессорскихъ лекцій служатъ теперь главнымъ руководствомъ при приготовленіи студентовъ къ экзаменамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляются и печатныя руководства, если есть подходящія.

Нужно сказать, что наша Академія со времени реформы сдѣлала значительный вкладъ въ литературу учебныхъ руководствъ и пособій. Здѣсь разумѣется прежде всего Исторія русской словесности проф. И. Я. Порфирьева (ч. I. Казань. 1870. ч. II. отд. 1—3. Казань. 1881—1891),—трудъ ученый, но въ тоже время очень удобный въ качествѣ учебнаго пособия, одобренный въ этомъ качествѣ высшимъ духовно-училищнымъ начальствомъ, два раза удостоенный преміи Митр. Макарія, принятый съ уваженіемъ какъ свѣтской, такъ и духовной литературой, и съ радостію привѣтствованный всеми занимающимися русской литературой какъ въ выспихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; для послѣднихъ впрочемъ составлено въ 1882 г. сокращенное изложеніе. Далѣе слѣдуетъ Руководство къ Русской церковной исторіи проф. П. В. Знаменскаго, представляющее краткій, но связный и осмысленный очеркъ предмета, удостоенное въ 1871 г. преміи Митр. Макарія, въ 1876 г. во второмъ изданіи одобренное въ качествѣ пособия наставникамъ и воспитанникамъ семинарій, любимое духовнымъ юношествомъ и потому выдержавшее уже нѣсколько изданій.—Нѣсколько лѣтъ назадъ (1886—1887) появилось Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ раціоналистическихъ и мистическихъ—проф. Н. И. Ивановскаго. Оно назначено главнымъ образомъ для семинарій, но можетъ быть употребляемо въ качествѣ учебнаго пособия и въ Академіи.—Еще можно упомянуть о Краткомъ курсѣ церковнаго права (изд. 1888—1889 г.) проф. Бердникова,

назначенномъ для руководства въ приготовленіи къ экзаменамъ студентовъ Университета — юристовъ, но могущемъ оказать помощь и студентамъ Академіи. Курсъ этотъ въ 1888 г. одобренъ къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособия по практическому руководству для пастырей, а въ 1889 г. (опредѣл. св. Синода ⁹/₂₁ мая) удостоенъ неполной преміи Митр. Макарія. Надобно желать появленія учебныхъ руководствъ и по другимъ предметамъ академическаго преподаванія. Изданіе печатныхъ руководствъ значительно облегчило бы студентовъ въ дѣлѣ приготовленія къ экзаменамъ, а также при составленіи семестровыхъ и курсовыхъ сочиненій. А съ другой стороны, въ виду печатнаго руководства, излагающаго хотя бы въ краткомъ видѣ всѣ отдѣлы науки, профессоръ могъ бы по временамъ освобождать себя отъ заботы проходить пунктуально всѣ отдѣлы науки съ одинаковою полнотою, а могъ бы, по особымъ научнымъ соображеніямъ, останавливаться съ особеннымъ вниманіемъ на нѣкоторыхъ отдѣлахъ ея, предоставляя студентамъ познакомиться съ опущенными на лекціяхъ вопросами по печатному руководству. Подобный образъ дѣйствій со стороны профессора былъ дозволенъ св. Синодомъ въ 1875 г. по поводу ревизіи Академіи Митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ (Терновскій. Историческая Записка о состояніи Казанской Академіи, стр. 32). Да и помимо интересовъ школы, изданіе курсовъ по богословскимъ наукамъ дѣлаетъ доступнымъ приобрѣтеніе знаній для всякаго желающаго ихъ приобрѣсть, и съ этой стороны

также достойно всякаго одобренія. Вообще изданіе учебныхъ руководствъ для Академій составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей ихъ въ настоящее время.

Назначеніе профессоровъ на службу, а также и увольненіе отъ службы было предоставлено по уставу 1814 г. академическому Правленію, состоявшему изъ ректора, инспектора и эконома или профессора, если экономъ не имѣлъ академической ученой степени, съ утвержденія епархіальнаго архіерея. Главное и почти исключительное вліяніе принадлежало въ этомъ случаѣ ректору (Уст. 1814. §§ 25—35). Въ скоромъ времени по введеніи устава дѣла о назначеніи и увольненіи профессоровъ были предоставлены въ высшей инстанціи комиссіи духовныхъ училищъ, а потомъ духовно-учебному управленію. Но высшая инстанція ограничивала власть ректора только сверху; въ Академіи власть эта была очень обширна и нерѣдко употреблялась въ ущербъ дѣлу. При единоличномъ почти распоряженіи дѣломъ выбора преподавателей конечно трудно было избѣжать личныхъ симпатій и антипатій ученаго и неученаго свойства. Ректоръ изъ Кіевской Академіи считалъ лучшими кандидатами кіевлянъ, ректоръ москвичъ старался пристроить своихъ москвичей, иногда безъ нужды и несправедливо обходя достойныхъ кандидатовъ изъ мѣстной Академіи (Знам. I, 161. 163—164. II, 18. 19. 83. 274. 318).

Особыхъ мѣръ къ приготовленію кандидатовъ для замѣщенія профессорскихъ каедръ въ уставѣ 1814 г. не было предусмотрѣно. Тогда спеціальныя знанія были не въ ходу, а цѣнилось общее богословское образо-

ваніе и личная даровитость. Тогда кончившій курсъ богословскихъ наукъ въ Академіи съ отличіемъ и успѣхомъ считался правоспособнымъ къ занятію всякой академической каѳедры, къ какой бы спеціальности она ни относилась. Правда, уставъ 1814 г. допускалъ свободный конкурсъ между претендентами на занятіе академической каѳедры посредствомъ пробныхъ лекцій и диссертаций (§§ 26—30). Но этотъ способъ отысканія достойныхъ кандидатовъ профессуры остался мертвой буквой; на практикѣ академическія каѳедры замѣщались по усмотрѣнію академическаго начальства и по частнымъ рекомендаціямъ. Въ нашей Академіи, въ виду исключительнаго положенія миссіонерскихъ предметовъ, были опыты особаго приготовленія профессоровъ къ преподаванію — посредствомъ ученыхъ путешествій и командировокъ. Такъ, Бобровниковъ по окончаніи академическаго курса былъ командированъ на три мѣсяца въ калмыцкія степи съ цѣлію изученія калмыцкаго языка, для ознакомленія съ нравами и обычаями калмыковъ и съ ихъ религіозными вѣрованіями (Знам. II, 78. 332—334). Н. И. Ильминскій, по порученію преосвященнаго Григорія, два раза дѣлалъ экскурсіи по различнымъ уѣздамъ Казанской епархіи для изученія татарскаго языка и ознакомленія съ положеніемъ крещеныхъ татаръ, а затѣмъ онъ получилъ заграничную командировку на востокъ на два съ половиною года для изученія арабскаго, турецкаго, персидскаго и еврейскаго языковъ и для собиранія матеріаловъ для противомусульманской полемики (Знамен. II, 349—360). Это едва ли не единственный примѣръ ученой команди-

ровки профессора Академіи за границу въ дореформенный періодъ жизни Академіи.

Недостатокъ спеціальной подготовки профессоровъ къ преподаванію извѣстнаго предмета, естественно, отзывался невыгодно на самомъ ихъ преподаваніи. Даже даровитые преподаватели и тѣ на первыхъ порахъ своей преподавательской дѣятельности нерѣдко читали лекціи по печатной книгѣ, а менѣе даровитые пробавлялись печатными руководствами долгое-долгое время, или же читали цѣликомъ лекціи своихъ предшественниковъ по кафедрѣ (Знам. II. 394. 314—317. 293. 301). Преподаватели, получившіе образование въ другихъ Академіяхъ, обыкновенно привозили съ собой литографированныя или рукописныя лекціи, которыя они слушали или штудировали въ своей Академіи, и придерживались ихъ въ своемъ преподаваніи болѣе или менѣе рабски (Знам. II. 19. 26. 52. 269. 296). Конечно все это относится только къ профессорамъ посредственныхъ способностей. Даровитые преподаватели упорнымъ трудомъ и талантами наверстывали недостатокъ подготовки и болѣе или менѣе скоро овладѣвали своимъ предметомъ и читали самостоятельныя лекціи. Исторія дореформенной Академіи знаетъ немало такихъ профессоровъ, которые производили сильное впечатлѣніе на молодыхъ слушателей и могли бы съ честью занять мѣсто въ какой угодно профессорской коллегіи.

Въ связи съ отсутствіемъ спеціальной подготовки къ предмету преподаванія было другое характерное явленіе въ преподавательской практикѣ дореформенной Академіи—это частая сѣна преподавателей на одной

и той же кафедрѣ. Эту невыгоду испытывали особенно главныя богословскія науки—догматическое, нравственное и обличительное богословіе. Онѣ преподавались академическимъ начальствомъ—ректоромъ и инспекторомъ, а эти лица рѣдко засиживались на кафедрѣ долѣе двухъ-трехъ лѣтъ. Отъ этого случалось, что студентамъ приходилось слушать начало науки у одного профессора, средину у другаго, а конецъ у третьяго, или же выслушать одну и ту же науку два раза (Знам. II. 190. 203. 236. 255). Затѣмъ большое вліяніе на быструю смѣну преподавателей оказывало то обстоятельство, что для многихъ наукъ академическаго преподаванія не было штатныхъ кафедръ, и онѣ раздѣлялись для преподаванія между наличными преподавателями, занимающими штатныя кафедры, въ качествѣ добавочныхъ предметовъ. Особенно тягостенъ былъ для преподавателей подобный порядокъ вещей въ нашей Академіи, гдѣ штатъ преподавателей былъ на четыре кафедры меньше сравнительно со штатомъ другихъ Академій въ теченіе первыхъ четырнадцати лѣтъ ея существованія. Не уничтожило указаннаго неудобства и сравненіе штата нашей Академіи со штатомъ другихъ Академій въ 1856 году, такъ какъ за два года до этого въ нашей Академіи были открыты миссіонерскія отдѣленія, значительно увеличившія кругъ наукъ, безъ открытія соответственнаго количества кафедръ. Правда, въ указѣ 27 окт. 1856 г. было позволено Академіямъ, въ случаѣ надобности, увеличивать количество кафедръ сверхъ 18 штатныхъ еще на шесть. Но наша Академія не пользовалась этимъ дозволеніемъ за недостаточностію ма-

теріальнихъ средствъ, такъ какъ вознагражденіе по прибавочнымъ кафедамъ должно было пасть главнымъ образомъ на мѣстныя средства Академіи (Знам. II. 8—17). При распредѣленіи нештатныхъ наукъ между штатными кафедрами некогда было обращать вниманіе на сродство наукъ; заставляли часто преподавать безъ разбору, что кому придется. Напр. библейская исторія была возлагаема послѣдовательно на преподавателя греческаго языка, патрологіи, каноники, нравственной философіи (Знам. II. 284. 286. 443). Патрологія соединялась въ разное время съ слѣдующими науками: съ св. Писаніемъ, съ пастырскимъ богословіемъ, гомилетикой, библейской исторіей (Знам. II. 286. 295. 300). Пастырское богословіе соединялось съ нравственнымъ богословіемъ, съ обличительнымъ богословіемъ, съ гомилетикой, съ литургикой, съ патрологіей и т. д. (Знам. II. 268. 300. 302. 310—313). Исторія философіи возлагалась на преподавателя миссіонерскихъ предметовъ и преподавателя естественныхъ наукъ, математика соединялась съ естественными науками и съ монгольскимъ языкомъ (Знам. II. 28—31. 75).

Да и сами преподаватели, попавши на извѣстную кафедру случайно, не чувствовали особенной привязанности къ ней и при первомъ удобномъ случаѣ мѣняли ее на другую болѣе симпатичную. Рѣдкому преподавателю удавалось попасть на такую кафедру, которая была ему по душѣ. Но еще чаще профессора мѣняли свои кафедры, благодаря перемѣнамъ по службѣ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ перемѣны кафедры вмѣстѣ съ промоціей по службѣ. Поступаетъ преподаватель сло-

весности въ монахи; ему уже кажется неприличнымъ преподавать прежній—свѣтскій предметъ; онъ мѣняетъ его на патристику, а послуживши этой наукѣ три года, переходитъ на новую, болѣе важную богословскую науку—св. Писаніе, а затѣмъ, когда сдѣлался инспекторомъ, перемѣщается на нрав. богословіе, — вторую по рангу науку въ іерархіи богословскихъ наукъ (Знам. II. 58. 182. 271).

Возьмемъ случай противоположнаго свойства. Положимъ, извѣстный преподаватель облюбовалъ доставшуюся ему науку, овладѣлъ ея матеріаломъ, познакомился съ учебными пособіями и сдѣлался дѣльнымъ преподавателемъ. При тогдашнихъ обычаяхъ и порядкахъ и такой профессоръ не могъ считать себя въ полномъ и неприкосновенномъ владѣніи насиженной каѳедры. Въ то время было не рѣдкость, что дѣльные и заслуженные преподаватели должны были противъ своей воли и вопреки всякихъ ожиданій оставлять свои каѳедры и перемѣщаться на другія и снова приниматься за трудъ въ новой малоизвѣстной области. Поводомъ къ тому могли быть особаго рода реформаторскія затѣи нѣкоторыхъ ректоровъ по отношенію къ составу наукъ академическаго преподаванія, о которыхъ выше была рѣчь, а еще чаще и проще—разныя ученія и не ученія симпатіи и антипатіи ихъ. Примѣровъ этого рода передвиженій преподавателей съ предмета на предметъ въ нашей Академіи было особенно много при ректорѣ Іоаннѣ Соколовѣ. Благодаря произвольнымъ распоряженіямъ ректора Іоанна, наша Академія лишилась многихъ талантливыхъ и по-

ченныхъ преподавателей—Ложкина, Зефирова, Лилова, Рублевскаго, Предтеченскаго, Д. Θ. Гусева и свѣтила и лучшаго украшенія Академіи — Н. И. Ильминскаго (Знам. I. 162—163. II. 35. 38. 90. 169. 303—309. 391. 415. 574).

Не богаты и не разнообразны были у Академіи способы приготовленія преподавателей, какъ мы видѣли. Тѣмъ не менѣе у насъ въ Академіи дѣло не стояло за недостаткомъ преподавателей. Первыми преподавателями Академіи, естественно, позаимствовались у старшихъ Академій Московской и Кіевской. Изъ послѣдней она получала себѣ начальниковъ и богослововъ, изъ первой преподавателей свѣтскихъ предметовъ. Назначеніе производилось высшею духовно-учебною властію. Многія изъ лицъ, назначенныхъ преподавателями, шли въ нашу Академію неохотно. Въ то время Казанскій край считался Сибирью и служба въ Казани не представляла ничего привлекательнаго для жителей столицъ или получившихъ тамъ образованіе. Очень многіе преподаватели, назначенные изъ воспитанниковъ другихъ Академій, прослуживши здѣсь годъ—другой, бѣжали отсюда. Они стремились перейти въ столицы, большею частію даже съ пониженіемъ—напр. въ семинаріи (Холмогоровъ, Кастальскій. Знам. II, 53. 296. 317), или въ епархіальное вѣдомство (Смирновъ-Платоновъ, Минервишъ, Морошкинъ. Знам. II, 22. 101. 103). Впослѣдствіи, въ 60-хъ годахъ, была назначена серія преподавателей изъ С.-Петербургской Академіи и частію изъ Московской, которые были хорошимъ приобрѣтеніемъ для нашей Академіи. Но, къ сожалѣнію, и

изъ нихъ многіе оставили Академію послѣ непродолжительной службы и переселились снова въ Петербургъ (Предтеченскій въ 1858 г., Михайловскій въ 1863 г., В. Г. Рождественскій въ 1867 г., Н. П. Рождественскій въ 1869. Знам. 171. 267. 317). Естественно, Академіи нужно было позаботиться о приготовленіи преподавателей изъ своихъ воспитанниковъ. И Богъ благословилъ труды новосозданной Академіи. Съ первыхъ же курсовъ ея явились у ней даровитые воспитанники, которыхъ она съ полнымъ правомъ могла принять въ число преподавателей. Изъ I курса поступали преподавателями: первый студентъ ея А. П. Владимірскій, теперь о. ректоръ нашей Академіи, Н. И. Ильминскій, Гвоздевъ, Бобровниковъ, со II к. И. Я. Порфирьевъ и Гремяченскій, съ III к. Вас. Ант. Благонравовъ, въ монашествѣ о. Веніаминъ, и М. М. Зефировъ, съ V к. Полетаевъ Д. П., въ монашествѣ о. Григорій, и В. А. Ложкинъ, съ VI к. Добро-творскій, Лиловъ, Рудольфовъ, Щаповъ, съ VII к. Павловъ А. Ст., съ VIII к. Мысовскій и Знаменскій П. В., съ IX к. Рожанскій и Маловъ Е. А., съ X к. Вердниковъ, съ XI к. Будринъ, съ XII к. Бѣляевъ, Снегиревъ, Богородскій, съ XIII к. Кургаповъ, Гусевъ Д. В., Вадковскій, Богословскій, Остроумовъ и Красносельцевъ. Не обинуясь можно сказать, что все это люди даровитые, люди призванія, съ честію занимавшіе и занимающіе свои кафедры и ревностно трудившіеся и трудящіеся для науки. Съ особеннымъ же почтеніемъ, уваженіемъ и признательностію Академія должна воспомянуть сегодня заслуги для нея Н. И.

Ильминскаго—этого насадителя противомусульманскаго отдѣленія при нашей Академіи и творца новой жизненной и плодотворной системы просвѣщенія инородцевъ восточныхъ окраинъ Россіи, Бобровникова А. А., положившаго краеугольный камень другому—противобуддійскому миссіонерскому отдѣленію нашей Академіи, Порфирьева И. Я., бывшаго, кромѣ высокихъ своихъ ученыхъ заслугъ, старѣйшиной академической корпораціи до самаго послѣдняго времени († 1890), пользовавшагося въ Академіи всеобщимъ уваженіемъ и непререкаемымъ авторитетомъ, служившаго живымъ носителемъ духа и лучшихъ преданій Академіи,—о. Веніамина Благонравова — насадителя исторической науки въ Академіи, подобно Горскому въ Москвѣ, честнаго и самоотверженнаго труженика какъ на академической каѳедрѣ, такъ и на поприщѣ пастырско-миссіонерской дѣятельности, достойнѣйшаго изъ достойныхъ архипастырей. Изъ профессоровъ, получившихъ образованіе въ другихъ Академіяхъ, исторія дореформеннаго періода отмѣчаетъ какъ даровитыхъ и вліятельныхъ: Д. Θ. Гусева, С. И. Протопопова, въ монашествѣ о. Серафима, Г. С. Саблукова и о. Хрисанеа Ретивцева—все изъ москвичей.

Уставомъ 1869 г. устранены были многіе изъ обычаевъ дореформенной Академіи, неблагоприятные успѣхамъ преподаванія. Попеченіе о замѣщеніи свободныхъ академическихъ каѳедръ достойными кандидатами возложено было этимъ уставомъ на Совѣтъ Академіи, заключающій въ своемъ составѣ старшихъ членовъ академической корпораціи. Каждый членъ Совѣта могъ

рекомендовать известнаго ему кандидата, а Совѣтъ долженъ былъ высказать свое мнѣніе посредствомъ баллотировки. Если у Совѣта Академія не было въ виду достойнаго кандидата, онъ могъ объявить конкурсъ на занятіе каѳедры и посредствомъ его вызывать кандидатовъ. Если бы Совѣтъ пожелалъ лучше познаться съ преподавательскими способностями известнаго кандидата на академическую каѳедру, онъ могъ испытать его посредствомъ двухъ пробныхъ лекцій. Утвержденіе профессоровъ принадлежало св. Синоду, а доцентовъ мѣстному Преосвященному. Чтобы Совѣтъ не былъ безпеченъ въ замѣщеніи праздныхъ вакансій, въ уставѣ стояло предостереженіе, что въ случаѣ незамѣщенія со стороны Совѣта академической каѳедры въ теченіе полугода, ее могъ замѣстить св. Синодъ по представленію мѣстнаго Преосвященнаго (§§ 50—54). Этотъ порядокъ удержанъ и въ дѣйствующемъ уставѣ Академій (§§ 50—53). Очевидно, здѣсь болѣе гарантій къ правильному и цѣлесообразному замѣщенію академическихъ каѳедръ, чѣмъ было въ практикѣ дореформеннаго періода.

Для приготовленія достойныхъ кандидатовъ для замѣщенія праздныхъ академическихъ каѳедръ въ уставѣ 1869 года введенъ былъ институтъ приватъ-доцентовъ. По смыслу устава, приватъ-доценты не были штатными преподавателями, не занимали каѳедры, а были свободными преподавателями, которые могли по собственному усмотрѣнію избрать предметъ своихъ чтеній, однако же по программѣ, утвержденной академическимъ начальствомъ, могли свободно прекратить свой курсъ,

когда угодно, а за трудъ получали вознагражденіе по усмотрѣнію Совѣта изъ особой положенной на то суммы (§§ 55—58). Очевидно, этотъ институтъ имѣлъ двоякую цѣль—съ одной стороны возбудить соревнованіе между штатнымъ и нештатнымъ преподавателемъ одного и того же предмета и такимъ образомъ содѣйствовать успѣхамъ преподаванія, а съ другой—видѣть и на дѣлѣ способныхъ преподавателей, если бы таковые оказались между приватъ-доцентами, чтобы ими потомъ воспользоваться при замѣщеніи штатныхъ каѳедръ. Но въ этомъ смыслѣ институтъ приватъ-доцентовъ не привился и въ университетѣ, откуда онъ заимствованъ: тѣмъ болѣе для него не было почвы въ Академіи, гдѣ преподаваніе ведется скромно, безъ шуму, и подъ постояннымъ наблюденіемъ начальства. Поэтому приватъ-доцентура тотчасъ же по введеніи устава 1869 года измѣнила свою уставную форму примѣнительно къ условіямъ академическаго быта и преподаванія. По введеніи устава 1869 г. стали поручать преподаваніе въ званіи приватъ-доцентовъ по штатнымъ свободнымъ каѳедрамъ молодымъ людямъ, которые по своимъ дарованіямъ и успѣхамъ признавались достойными быть преподавателями, но не имѣли законнаго ученаго ценза для полученія штатной каѳедры т. е. магистерской степени. Вознагражденіе имъ назначалось изъ особой положенной на то суммы въ количествѣ 1000 р. каждому, а когда штатной приватъ-доцентской суммы оказалось недостаточно, то съ разрѣшенія св. Синода, послѣдовавшаго въ 1874 году, стали давать вознагражденіе изъ штатной суммы, положенной на каѳедру въ размѣрѣ

900 р. По полученіи степени магистра эти преподаватели опредѣлялись на штатную кафедру въ званіи доцентовъ, при чемъ, по особому ходатайству, имъ зачислялось приватъ-доцентство въ дѣйствительную службу. Въ качествѣ такихъ приватъ-доцентовъ назначены были Совѣтомъ Академіи: въ 1872 г. Милославскій и Зефировъ по кафедрамъ метафизики и новой гражданской исторіи, въ 1873 г. Терновскій по кафедрѣ древней церковной исторіи, въ 1874 г. Алфіоновъ и въ 1878 г. Бѣликовъ по кафедрѣ древней гражданской исторіи, въ 1875 г. Резановъ, а по его смерти въ 1879 г. Юнгеровъ по кафедрѣ св. Писанія В. З., въ 1880 г. Царевскій по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій, въ 1881 г. Виноградовъ по кафедрѣ латинскаго языка, въ 1877 г. Машановъ по кафедрѣ противомусульманскихъ предметовъ. Всѣ эти лица воспитывались въ нашей Академіи и назначены по непосредственному усмотрѣнію Совѣта Академіи. Одинъ Терновскій, какъ воспитанникъ Кіевской Академіи, занялъ кафедру по конкурсу и на основаніи рекомендаціи Кіевской Академіи. Для полученія званія приватъ-доцента требовалось прочесть двѣ пробныхъ лекціи и защитить особую диссертацию pro venia legendi, а отъ занимающаго кафедру по конкурсу требовалось, кромѣ того, еще представленіе подробной программы предмета. Царевскій былъ подготовленъ предварительно къ своей кафедрѣ посредствомъ двухгодичной командировки въ русскіе университеты для изученія славянскихъ нарѣчій и палеографіи. Такимъ образомъ, хотя и не по буквѣ устава, приватъ-доцентура дѣйствительно послужила средствомъ

для приготовленія преподавателей Академіи.— Впрочемъ были же два случая приватъ-доцентства и въ смыслѣ устава 1869 года,— это оставленіе, по ходатайству церковно-практическаго отдѣленія въ 1880 г., при Академіи при каѳедрѣ словесности Плотникова (не состоявшееся), а въ 1882 г. Дмитріевскаго при каѳедрѣ литургіи и археологіи, съ выдачею имъ пособія изъ приватъ-доцентской суммы. Слѣдуетъ еще упомянуть, что, вслѣдствіе выраженного высшимъ начальствомъ требованія объ усиленіи преподаванія классическихъ языковъ въ Академіи, согласно заявленію преподавателей этихъ языковъ, въ 1879 г. были открыты приватъ-доцентуры при каѳедрахъ греческаго и латинскаго языковъ въ качествѣ особыхъ временныхъ нештатныхъ преподавательскихъ вакансій, оплачиваемыхъ изъ приватъ-доцентской суммы (Герновскій, Истор. Записка. 82—90).

Въ уставѣ 1884 г. вмѣсто приватъ-доцентуры признано полезнымъ учредить институтъ профессорскихъ стипендіатовъ, т. е. оставлять при Академіи болѣе даровитыхъ студентовъ по окончаніи курса отъ одного до двухъ, для приготовленія ихъ въ теченіе года къ занятію преподавательскихъ каѳедръ въ Академіи. Имъ назначается въ видѣ стипендіи по 700 р. каждому. Обязанность стипендіатовъ состоитъ въ томъ, чтобы все время въ теченіе года посвящать изученію избранной науки подъ руководствомъ старшихъ профессоровъ, ближе къ ней стоящихъ по своей специальности. По истеченіи года они должны представить академическому Совѣту отчетъ въ своихъ занятіяхъ

и затѣмъ могутъ быть опредѣлены на свободныя каѳедры, если таковыя есть въ Академіи, соответственно своимъ специальнымъ занятіямъ, съ званіемъ исправляющихъ должность доцента, — до времени утвержденія въ степени магистра, на что назначается не болѣе двухъ лѣтъ со дня поступленія на преподавательскую должность. Конечно, часто можетъ случиться и случается, что въ Академіи нѣтъ вакансій по той спеціальности, по какой занимался извѣстный профессорскій стипендіатъ, и онъ долженъ примѣнять свои познанія къ преподаванію въ семинаріи. Но это обстоятельство не говоритъ противъ института профессорскихъ стипендіатовъ. Стипендіаты, служащіе въ семинаріи, находятся всегда въ виду у Академіи въ качествѣ кандидатовъ для замѣщенія открывшейся вакансіи, изъ которыхъ Академія, въ случаѣ надобности, можетъ выбрать достойнѣйшаго. Да и помимо мѣста службы профессорскихъ стипендіатовъ, годовичныя спеціальныя занятія при Академіи даютъ возможность имъ собрать матеріалъ и даже обработать магистерское сочиненіе, а это — дѣло весьма полезное для развитія богословской науки (Объяснит. Записка къ уст. 1884. Объ учащихъ IV. 3).

Дѣйствіе устава 1884 г. должно было прежде всего распространиться въ этомъ пунктѣ на прежнихъ приватъ-доцентовъ, которые еще не успѣли пріобрѣсти степени магистра. На основаніи указа св. Синода отъ 29 апр. 1884 г. № 4 они оставлены при исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей по занимаемымъ ими каѳедрамъ съ званіемъ исправляющихъ должность

доцента и съ обязательствомъ получить степень магистра не долѣе, какъ въ теченіе двѣхъ лѣтъ, считая началомъ этого срока 1 іюля 1884 г. Такихъ приватъ-доцентовъ въ моментъ введенія устава 1884 оказалось у насъ четыре: Зефиоровъ по кафедрѣ новой гражданской исторіи, Бѣликовъ по кафедрѣ древней гражданской исторіи, Виноградовъ по кафедрѣ латинскаго языка, Машановъ по кафедрѣ противомусульманскихъ предметовъ. А. В. Говоровъ, какъ состоявшій адъюнктомъ при кафедрѣ греческаго языка, долженъ былъ прекратить свои занятія при Академіи съ 1 сент. 1884 г.; но въ слѣдующемъ году, по случаю открытія вакансіи по гомилетикѣ, Говоровъ былъ назначенъ на эту кафедру въ званіи исправляющаго должность доцента. Кромѣ того 31 авг. 1884 г., вскорѣ послѣ введенія устава, былъ опредѣленъ на кафедрѣ метафизики въ званіи и. д. доцента бывшій преподаватель Томской семинаріи В. В. Плотниковъ (Тернов. Истор. Зап. стр. 276—278).

Затѣмъ вошло въ силу и правило о профессорскихъ стипендіатахъ. Въ теченіе восьми лѣтъ жизни Академіи по дѣйствующему уставу оставлено при Академіи 14 стипендіатовъ. Нѣкоторые изъ этихъ стипендіатовъ для собиранія матеріаловъ по своимъ специальнымъ занятіямъ предпринимали путешествія въ столицы и другіе города, именно: Алмазовъ, Полетаевъ, Благовидовъ, Соколовъ Иванъ. М. Нефедьевъ былъ оставленъ стипендіатомъ на два года для приготовленія къ кафедрѣ калмыцкаго языка. Въ учебное время онъ долженъ былъ заниматься въ С.-Петербургѣ на фа-

культетѣ восточныхъ языковъ по особой програзомъ данной ему отъ Совѣта, а въ лѣтніе мѣсяцы долженъ, былъ жить въ калмыцкихъ степяхъ и здѣсь практически изучать языкъ, а также нравы и обычаи калмыцкаго народа. Большая часть изъ этихъ стипендіатовъ пріобрѣла степень магистра, семь человекъ (Нефедьевъ, Потѣхинъ, Нарбековъ, Несмѣловъ, Предтеченскій, Благовидовъ, Реверсовъ) поступили въ Академію на преподавательскія каѳедры, а одинъ — Алмазовъ съ 1889 года состоитъ экстраординарнымъ профессоромъ каноническаго права въ Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ (Тернов. Истор. Зап. 271 — 275). Такимъ образомъ новый институтъ профессорскихъ стипендіатовъ оказывается надежнымъ средствомъ приготовленія преподавателей Академіи. О конкурсѣ, какъ средствѣ замѣщенія академическихъ каѳедръ, не упоминается въ дѣйствующемъ уставѣ. Однако же въ 50 § устава допускается исканіе званія профессора и доцента въ Академіи по собственной инициативѣ лицами, неизвѣстными Совѣту своими преподавательскими способностями, которое въ уставѣ 1869 г. стояло въ связи съ конкурсомъ и дѣйствительно умѣстно всего болѣе при конкурсѣ.

Съ устава 1869 г. точно опредѣленъ составъ наукъ академическаго образованія; мѣстное начальство не въ правѣ ни прибавить, ни убавить противъ того, какъ положено въ штатѣ. Потомъ, всѣ предметы академическаго преподаванія пріурочены къ опредѣленнымъ каѳедрамъ и не могутъ по произволу передвигаться съ одной каѳедры на другую. Въ уставѣ даже значится

пунктъ, запрещающій профессору преподавать по другимъ каедрамъ, кромѣ того случая, когда дѣло замѣщенія свободной каедры обѣщаетъ надолго затянуться. Съ устава 1869 г. совсѣмъ также сталъ не умѣстенъ обычай перевода съ каедры на каедру по усмотрѣнiю начальства. Теперь возможны только свободные переходы. Да и они случаются только при особыхъ обстоятельствахъ, не зависящихъ отъ лицъ переходящихъ, главнымъ образомъ при перемѣнахъ въ распредѣленiи каедръ, сопряженныхъ съ введенiемъ новаго устава. Такъ, при введенiи устава 1869 г., который отнесся невнимательно къ миссионерскимъ отдѣленiямъ въ нашей Академи, изъявили желанiе перейти съ миссионерскихъ предметовъ на другiе прот. Е. А. Маловъ и В. В. Миротворцевъ. Потомъ, при введенiи устава 1884 тотъ же Е. А. Маловъ снова перешелъ на каедру противомусульманскихъ предметовъ, а каедру библейской исторiи и еврейскаго языка занялъ С. А. Терновскiй вслѣдствiе уничтоженiя по новому уставу второй каедры общей церковной исторiи, которую онъ занималъ. Доценту Царевскому, преподававшему славянскiя нарѣчiя, по той же причинѣ предоставлено преподавать кромѣ русскаго и церковно-славянскаго языка и исторiю иностранныхъ литературъ. Послѣ кончины И. Я. Порфирьева на каедру словесности перешелъ А. В. Поповъ, преподававшiй прежде пастырское богословiе съ педагогикой (Тернов. Ист. Зап. 82. 276—280).

Кромѣ приготовленiя достойныхъ кандидатовъ къ занятiю каедръ, Академи послѣ реформы заботилась о томъ, чтобы доставить преподавателямъ лучшiе спо-

собы къ ознакомленію съ своею наукой посредствомъ командировокъ ихъ въ заграничныя путешествія. Такъ, П. А. Милославскій въ 1874 г. былъ командированъ въ германскіе университеты на годъ для ознакомленія съ положеніемъ и приемами преподаванія метафизики въ германскихъ университетахъ, съ литературой метафизики и съ господствующимъ въ Германіи направлениемъ философіи вообще. Онъ исполнилъ данное ему порученіе съ полною добросовѣстностію. Результаты своихъ занятій и наблюденій онъ изложилъ въ печатномъ трудѣ: Типы современной философской мысли въ Германіи.—Въ 1881—1882 г. былъ командированъ доцентъ Н. Ѳ. Красносельцевъ для изученія памятниковъ христіанской древности на мѣстахъ ихъ нахождения, именно въ Римѣ, Миланѣ, Венеціи, Равеннѣ, а также въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся болѣе замѣчательные музеи этихъ древностей. Занятія г. Красносельцева шли слѣдующимъ образомъ. Въ первое полугодіе онъ занимался обзорѣніемъ римскихъ катакомбъ, древнихъ римскихъ церквей, памятниковъ классической древности римскихъ музеевъ и библіотекъ. Въ отчетѣ за второе полугодіе сообщены г. Красносельцевымъ результаты обзорѣнія катакомбъ, церквей и памятниковъ, находящихся въ окрестностяхъ Рима и въ другихъ городахъ Италіи, а также свѣдѣнія о парижскихъ и берлинскихъ музеяхъ, содержащихъ предметы христіанской древности. Въ 1884 г. Красносельцевъ въ качествѣ полного отчета о своихъ занятіяхъ за границей представилъ въ Совѣтъ Академіи сочиненіе подъ заглавіемъ: Свѣдѣнія о литургическихъ рукописяхъ Ватиканской

библіотеки. Въ этомъ сочиненіи собрано у автора весьма много любопытнаго и драгоцѣннаго матеріала для древней исторіи чина и текста литургіи св. Іоанна Златоуста какъ греческаго, такъ и славянскаго, также для исторіи чинопослѣдованій крещенія, брачнаго вѣнчанія и др. Вообще нужно замѣтить, что г. Красносельцевъ совершилъ свое ученое путешествіе съ большою пользою для науки и вполне оправдалъ тѣ лестныя надежды, которыя возлагала на него Академія (Проток. 1882. стр. 64—87. 269—293. 1884. стр. 179. 206). — Въ 1885 г. преподаватель противомусульманскихъ предметовъ доцентъ Машановъ, согласно его желанію, былъ командированъ, съ разрѣшенія св. Синода на два года, съ 10 окт. 1885 по 10 окт. 1887 г., въ разныя мѣста Сиріи, Палестины, Аравіи и Египта, съ цѣлію изученія арабскаго языка и мухаммеданской богословской литературы. Г. Машановъ вполне достигъ той ученой цѣли, какою задавался; подъ руководствомъ ученыхъ арабовъ-шейховъ основательно познакомился съ арабскимъ языкомъ, изучилъ догматическія системы мусульманъ и основы мусульманскаго религіознаго законовѣдѣнія (Прот. 1887. стр. 379—380. 1888. стр. 5).

Преподаватели, по уставу 1814 г., раздѣлялись на два класса съ различнымъ окладомъ жалованья—на профессоровъ и бакалавровъ, при чемъ первыхъ было вдвое меньше, чѣмъ вторыхъ (6—12). Профессоры кромѣ высшаго оклада жалованья пользовались еще тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что были членами конференціи. Правленію Академіи предоставлено было право возводить, съ утвержденія мѣстнаго преосвя-

щеннаго, достойнѣйшихъ изъ бакалавровъ, числомъ до четырехъ, въ званіе экстраординарныхъ профессоровъ. Эти профессора состояли на бакалаврскомъ окладѣ жалованья. Преимущество ихъ предъ бакалаврами состояло въ томъ, что они могли присутствовать въ конференціи на ряду съ ординарными профессорами (Уст. 1814. § 38. 280. 281). Особаго ученаго ценза для достиженія званія ординарнаго профессора не было; цензъ былъ одинъ и для профессора и для бакалавра—ученая степень магистра богословія. Профессорство давалось за выслугу лѣтъ и за заслуги вообще (ст. 27). Производство въ профессора зависѣло отъ Правленія Академіи съ утвержденія высшаго духовно-училищнаго начальства. Производство въ профессора заслуженныхъ преподавателей много затруднялось тѣмъ пунктомъ устава 1814 г., по которому профессора были приурочены къ извѣстному разряду наукъ. Всѣ науки академическаго преподаванія были раздѣлены на шесть группъ: богословскую, философскую, словесную, историческую, математическую и языковеднѣе. На каждой изъ этихъ группъ долженъ быть только одинъ профессоръ (ст. 280). Отсюда происходило, говоритъ историкъ С.-Петербургской Академіи, что, когда въ той или другой группѣ наукъ ординатура была занята, прочимъ преподавателямъ приходилось по 10 и по 15 лѣтъ жить на низшемъ—бакалаврскомъ окладѣ (Чист. С.-Петерб. дух. Акад. 1889. стр. 101). Въ нашей Академіи, по свидѣтельству историка ея, число ординарныхъ профессоровъ никогда не было доводимо даже до того ограниченнаго количества, какое было поло-

жено въ штатѣ,—6, хотя на лицо было много достойнѣйшихъ преподавателей. Это дѣлалось изъ матеріальныхъ расчетовъ, для того чтобы изъ остатковъ отъ личнаго состава можно было покрыть многоразличныя нужды академическаго хозяйства (Знам. II. 13—14). Чтобы видѣть, какъ трудно давалась ординатура при прежнемъ уставѣ, достаточно указать на слѣдующіе примѣры: И. Я. Порфирьевъ получилъ званіе ординарнаго профессора чрезъ 16 лѣтъ службы (въ 1864 г.), И. П. Гвоздевъ чрезъ 19 лѣтъ (въ 1865 г.). Только немногимъ счастливымъ изъ свѣтскихъ преподавателей въ родѣ Н. П. Соколова удавалось сдѣлаться профессоромъ черезъ 8—10 лѣтъ службы. По уставу 1869 г. званіе экстраординарнаго профессора стало означать особый третій классъ преподавателей, обеспеченный среднимъ окладомъ жалованья. Число профессуръ значительно увеличено сравнительно съ прежнимъ временемъ, такъ что все количество штатныхъ каедръ распределено почти поровну между тремя классами преподавателей. Для возвышенія званія ординарнаго профессора, въ этомъ уставѣ поставлено непрѣмнымъ условіемъ полученія ординарства предварительное пріобрѣтеніе степени доктора богословія. Исполненіе этого условія не должно считаться затрудненіемъ къ полученію ординатуры, такъ какъ пріобрѣтеніе степени доктора зависитъ отъ ученой предприимчивости каждаго. Не совсѣмъ справедливо было только обратное примѣненіе этого требованія къ тѣмъ профессорамъ, которые пріобрѣли званіе профессора по прежнему порядку, какое было предписано при введеніи устава 1869 г. Путемъ,

указаннымъ въ уставѣ 1869 г., приобрѣли профессорство шесть человекъ изъ наличныхъ профессоровъ (Вѣляевъ, Кургановъ, Бердниковъ, Ивановскій, Богородскій и Вудринъ).

Въ уставѣ 1884 г. сдѣлано изъятіе изъ общаго правила объ ученѣмъ цензѣ для приобретенія званія профессора для преподавателей небогословскихъ предметовъ; имъ дозволено получать званіе профессора безъ докторской богословской степени, съ тѣмъ, чтобы они назывались исправляющими должность ординарнаго профессора. У насъ было три случая производства въ исправляющіе должность ординарнаго профессора — Е. А. Малова, В. В. Миротворцева и А. А. Некрасова.

Кромѣ того, въ уставѣ 1884 г. сдѣлано то нововведеніе сравнительно съ уставомъ 1869 г., что восемь кафедръ ординарнаго профессора распределены по извѣстнымъ тоже восьми группамъ предметовъ (§ 106). Эта мѣра принята съ тою цѣлію, чтобы ни одинъ отдѣлъ или разрядъ наукъ академическаго курса не оставался безъ ординарнаго профессора на неопредѣленное время, особенно же отдѣлъ важнѣйшихъ богословскихъ наукъ (Объяснит. Зап.).

Въ новѣйшее время наша Академія имѣла возможность подѣлиться своими учеными силами съ другими Академіями. Имѣемъ въ виду переходъ въ С.-Петербургскую Академію теперешняго ея ректора Преосвященнѣйшаго Антонія Епископа Выборгскаго, бывшаго преподавателемъ и потомъ инспекторомъ нашей Академіи, и поступленіе на службу въ Кіевскую Академію А. А. Дмитриевскаго, бывшаго приватъ-доцента нашей

Академіи. Оба бывшіе наши сослуживца служатъ на новыхъ мѣстахъ не только съ честію, но и съ большимъ отличіемъ — каждый въ своемъ родѣ дѣятельности.

Духовныя Академіи, принимая мѣры къ приготовленію достойныхъ преподавателей, въ тоже время готовы принять къ себѣ на преподавательскую службу и лицъ, приготовленныхъ университетами. Академіи не замыкаются отъ университетовъ и не чуждаются лицъ университетскаго образованія. Въ первомъ академическомъ уставѣ 1814 г. сказано было, что ищущій профессорскаго мѣста не изъ духовныхъ долженъ предъявить дипломъ на свое достоинство отъ російскаго или извѣстнаго иностраннаго университета. Если Правленіе Академіи хотѣло имѣть собственное мнѣніе о преподавательскихъ способностяхъ кандидата изъ лицъ университетскаго образованія, то оно могло испытать его посредствомъ двухъ пробныхъ лекцій или нарочито данныхъ сочиненій (§§ 28. 29. 31—32). Подобное же правило значитъ и во всѣхъ послѣдующихъ академическихъ уставахъ (Уст. 1869. § 47. 1884. § 47). И если въ исторіи нашей Академіи не было доселѣ случая поступленія на службу въ Академію лица съ университетскимъ образованіемъ, то вѣроятно главнымъ образомъ потому, что въ университетахъ доселѣ не было лишнихъ кандидатовъ на профессуру. Частнымъ же образомъ, въ качествѣ временныхъ преподавателей, профессеры здѣшняго Университета нерѣдко преподавали въ Академіи по нѣскольку лѣтъ — очень охотно и предупредительно. Такъ напр. въ 1855 г. славянскую

палеографію преподавалъ профессоръ В. И. Григоровичъ (Знам. II, 383—387). Когда введено было преподаваніе въ нашей Академіи инородческихъ языковъ—арабскаго съ татарскимъ и монгольскаго съ калмыцкимъ, то первыми преподавателями по нимъ были профессора здѣшняго Университета Каземъ-Бекъ и Поповъ (Знам. II. 7. 328). Естественныя науки и медицину, которыя на короткое время были введены въ академическій курсъ, преподавали тоже профессора Университета Вагнеръ и Скандовскій (Знам. II. 143—159). При дѣйствиі устѣва 1869 г. въ теченіе десяти лѣтъ были приглашаемы Академіей изъ Университета профессора славянскихъ нарѣчій: М. П. Петровскій, И. А. Снегиревъ и Бодуэнъ-де-Куртене (Тернов. Ист. Зап. 85).

Академія съ удовольствіемъ и признательностію къ Университету находитъ въ лѣтописяхъ своей исторіи факты подобнаго участія къ своимъ ученымъ нуждамъ со стороны университетскихъ профессоровъ. Съ своей стороны и она всегда была готова снабдить Университетъ преподавателями по тѣмъ наукамъ, которыя относятся кореннымъ образомъ къ составу академическихъ наукъ, именно по наукамъ богословскимъ. Разумѣемъ достойныхъ профессоровъ богословія о. прот. А. П. Владимірскаго, теперь о. ректора нашей Академіи, покойнаго о. прот. М. М. Зефирова, и теперешняго проф. Н. К. Миловидова. Затѣмъ, когда по университетскому уставу 1863 г. были введены въ Университетъ каѣдры церковной исторіи и церковнаго права, онѣ замѣнены были профессорами нашей Академіи—каѣдра церковной исторіи Добротворскимъ и потомъ

Кургановымъ, кафедра церковнаго права профессоромъ Бердниковымъ. Случалось впрочемъ, что наша Академія давала здѣшнему Университету преподавателей и не по богословскимъ наукамъ, которые пользовались въ Университетѣ большою популярностію. Разумѣемъ профессоровъ русской исторіи Аристова и Шапова (Знам. III, 395. II, 130) и В. А. Снегирева, около десяти лѣтъ (1877—1886) преподававшего психологію и логику (Терн. Ист. Зап. 454).

Академія можетъ указать также съ удовольствіемъ на то, что изъ числа ея питомцевъ есть теперь преподаватели въ другихъ Университетахъ, съ честію и славою держащіе въ нихъ знамя науки. Разумѣемъ профессора церковнаго права въ Московскомъ Университетѣ А. С. Павлова,—профессора церковной исторіи въ Новороссійскомъ Университетѣ Н. О. Красносельцева, — разумѣемъ наконецъ преподавателя церковнаго права въ Новороссійскомъ же Университетѣ Алмазова.

Занятія студентовъ Академіи состоятъ, кромѣ слушанія лекцій профессоромъ, въ домашнихъ упражненіяхъ—въ составленіи сочиненій и въ чтеніи книгъ. Духовно-учебныя заведенія издавна отличаются отъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній тѣмъ, что обращаютъ серьезное, даже главное вниманіе на упражненіе студентовъ въ сочиненіяхъ. Хорошая метода ученія, сказано въ академическомъ уставѣ 1814 г., состоитъ въ томъ, чтобы способствовать къ раскрытію собственныхъ силъ и дѣятельности разума въ воспитанникахъ. Поэтому собственное упражненіе студентовъ въ сочи-

неніяхъ есть одно изъ существенныхъ правилъ доброй методы (§ 124. 128). Почти все свободное отъ слуша-нія лекцій время студенты дореформенной Академіи употребляли на составленіе сочиненій. Они подавали не менѣе одного сочиненія въ мѣсяцъ, не считая проповѣдей. До начала 60-хъ годовъ нѣсколько сочиненій въ годъ, по старой памяти, писалось на латинскомъ языкѣ. Письменные работы давались и во время экзаменовъ. Не смотря на краткій мѣсячный срокъ, сочиненія писались студентами иногда очень большія, такъ что академическому начальству приходилось сдерживать рвеніе студентовъ. Преосвященный Григорій въ 1854 г. предписалъ, чтобы студенческія сочиненія не превышали по объему двухъ письменныхъ листовъ. И это предписаніе соблюдалось при ректорѣ Агаѳангелѣ. Съ 60-хъ годовъ, съ ослабленіемъ академической дисциплины, стало ослабѣвать и усердіе студентовъ къ занятію сочиненіями. При ректорахъ Иннокентіи и Никанорѣ приходилось уже постоянно напоминать студентамъ о подачѣ сочиненій, дѣлать выговоры и внушенія за неподачу сочиненій, но безуспѣшно (Знам. III, 235—239. 253—260). Аккуратность студентовъ въ составленіи сочиненій снова возстановилась при уставѣ 1869 г. (Тернов. 217—218). Со времени этого устава, студенты первыхъ трехъ курсовъ обыкновенно пишутъ по три сочиненія въ годъ. Темы назначаются по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ этихъ курсахъ, но, по дѣйствующему уставу, двѣ трети сочиненій должны быть по наукамъ богословскимъ (Уст. 1884. § 123. 124).

Студенты IV курса писали при уставѣ 1814 г. такъ называемыя курсовыя сочиненія. За лучшія сочиненія присуждалась степень магистра, за прочія степень кандидата богословія. Обыкновенно около одной трети оканчивающихъ курсъ студентовъ получала степень магистра. Темы для магистерскихъ сочиненій формулировались преподавателями, представлялись на просмотръ ректору и послѣ утвержденія Правленіемъ предлагались студентамъ для выбора. Ректоръ Іоаннъ самъ назначалъ темы каждому студенту лично, и никакъ не хотѣлъ измѣнить своего назначенія, если оказывалось не по силамъ тому или другому студенту. Отъ этого случалось, что иному студенту приходилось прежде составленія своего сочиненія изучить какой нибудь изъ малоизвѣстныхъ языковъ напр. англійскій, польскій и т. д. По содержанію своему, темы въ первое время существованія Академіи относились преимущественно къ догматикѣ, нравственному богословію, св. Писанію и литургикѣ. Преосвященный Григорій поощрялъ темы по миссіонерскимъ предметамъ. При ректорѣ Агаѳангелѣ сдѣлались преобладающими темы по расколу. Ректоръ Іоаннъ далъ курсовымъ сочиненіямъ исключительно историческое направленіе. Сочиненія писались очень обширныя — листовъ по 100, 200, 300. По полученіи сочиненій ректоръ распредѣлялъ ихъ между профессорами для рецензій. Лучшія изъ сочиненій, за которыя присуждалась степень магистра, отсылались на просмотръ въ св. Синодъ вмѣстѣ съ представленіемъ конференціи о присужденіи степеней, а св. Синодомъ поручались на рассмотрѣніе

епархіальнымъ преосвященнымъ и ученымъ лицамъ изъ высшаго духовенства. Въ 1863 г. мая 31 св. Синодъ, для ускоренія присужденія степеней, отмѣнилъ присылку въ Петербургъ магистерскихъ сочиненій для контрольнаго просмотра и предписалъ оканчивать дѣло рецензирования сочиненій на мѣстѣ, а св. Синоду представлять отзывы рецензентовъ о всѣхъ вообще курсовыхъ сочиненіяхъ. Относительно разсмотрѣнія сочиненій св. Синодъ предписалъ слѣдующее: 1) Сочиненіе на степень читается сначала наставникомъ предмета, по которому оно писано, 2) затѣмъ послѣдовательно двумя членами конференціи и наконецъ 3) подвергается окончательному пересмотру въ общемъ собраніи конференціи подъ предсѣдательствомъ архіерея (Знам. III, 303—331).

Курсовыя сочиненія студентовъ считались достояніемъ Академіи и не выдавались на руки студентамъ, а сдавались на храненіе въ бібліотеку. Относительно лучшихъ магистерскихъ сочиненій св. Синодъ выражалъ желаніе, чтобы они были напечатаны академическимъ начальствомъ на счетъ Академіи. Это и водилось въ другихъ Академіяхъ. Въ нашей же Академіи долгое время стѣснялись строгостію цензуры относительно сочиненій духовнаго содержанія и не хотѣли приложить рукъ къ исправленію студенческихъ сочиненій сообразно требованіямъ науки и печати. Уже только послѣ открытія Православнаго Собесѣдника, когда потребовалось для журнала много матеріала, рѣшились воспользоваться студенческими сочиненіями. Первыми напечатаны были въ Православномъ Собесѣд-

никъ сочиненія студентовъ VI курса: Рудольфова— О причинахъ раздѣленія главныхъ раскольническихъ сектъ на многіе толки (Справ. Соб. 1856 и 1857 г.), Добротворскаго — Историческія свѣдѣнія объ Иргизскихъ мнимо-старообрядческихъ монастыряхъ до обращенія ихъ къ единовѣрію (1857 г.) и Шапова— О причинахъ происхожденія и распространенія раскола (тамъ же). Сочиненіе Лилова — О зловредныхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ въ отношеніи къ православной Церкви— по распоряженію преосвященнаго Григорія издано было особой книгой на казенный счетъ (1856 г.). Съ легкой руки ректора Агаѳангела печатаніе студенческихъ сочиненій, цѣликомъ и въ отрывкахъ, продолжалось и въ послѣдующее время. Упомянемъ о сочиненіяхъ послѣднихъ лѣтъ дореформеннаго періода, напечатанныхъ по опредѣленію Совѣта Академіи, — о сочиненіи В. Снегирева (XII к.): Ученіе о лицѣ Господа нашего І. Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства, — о сочиненіи Ѳ. Курганова (XIII к.): Устройство управленія въ церкви королевства Греческаго, — Д. Гусева: Ересь антитринитаріевъ III в., — Н. Красносельцева: Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ. Миссіонерскій сборникъ, начавшій издаваться въ 1873 г., также нашель въ сочиненіяхъ студентовъ много подходящаго себѣ матеріала и напечаталъ въ разныхъ выпускахъ до 14 сочиненій. Печатали наконецъ и сами студенты свои сочиненія въ разныхъ духовныхъ журналахъ, послѣ развитія духовной журналистики (Знам. II, 34. III, 331—336).

При уставѣ 1869 г. стало невозможно приобрести магистерской степени безъ предварительнаго полученія степени кандидата, по примѣру университетской практики. Кандидатское сочиненіе писалось въ III курсѣ, а магистерское въ IV. Но уставъ позволялъ представлять въ качествѣ магистерскаго и кандидатское сочиненіе въ исправленномъ и дополненномъ видѣ (§ 28 Прим. Полож. объ испыт. на учен. степ. 1874. Казань). Значитъ, на дѣлѣ и при этомъ уставѣ писалось одно сочиненіе и для кандидатской и для магистерской степени. По правиламъ этого устава, кандидатскія и магистерскія сочиненія подлежали ученой оцѣнкѣ того преподавателя, къ спеціальности котораго относится тема сочиненія, потомъ разсматривались въ подлежащемъ отдѣленіи и затѣмъ въ Совѣтѣ. Утвержденіе въ степени кандидата и магистра принадлежало епархіальному архіерею. Главную особенность приобретения магистерской степени по уставу 1869 г. составляло введеніе въ это дѣло гласности. Присужденіе магистерской степени не оканчивалось съ постановленіемъ рѣшенія Совѣта въ благопріятномъ для автора смыслѣ. Сочиненіе затѣмъ должно было подвергнуться публичному обсужденію со стороны его достоинствъ и недостатковъ въ общемъ засѣданіи академической корпорации и посторонней приглашенной публики, при чемъ участіе въ оцѣнкѣ сочиненія предоставлялось не только официальнымъ такъ называемымъ оппонентамъ и всѣмъ членамъ академической корпорации, но и каждому изъ присутствующихъ на диспутѣ. Такая широкая гласность естественно представляетъ много гарантій къ

правильной оцѣнкѣ сочиненія съ научной и другихъ точекъ зрѣнія. А кромѣ того введеніе гласнаго обсу-
 жденія достоинствъ и недостатковъ сочиненій на сте-
 пень магистра познакомило общество съ уровнемъ
 богословской науки въ академіяхъ и тѣмъ весьма зна-
 чительно возвысило благопріятное его мнѣніе объ нихъ,
 чтѣ еще важнѣе перваго результата. Затѣмъ другое
 важное требованіе устава 1869 г. относительно при-
 обрѣтенія магистерской степени, — это обязательство,
 чтобы сочиненіе было непременно напечатано прежде
 диспута. Исполненіе этого требованія служить новымъ
 обезпеченіемъ гласности въ дѣлѣ приобрѣтенія магис-
 терской степени, а съ другой стороны, благодаря
 этому требованію, богословская наука день ото дня
 обогащается новыми болѣе или менѣе солидными сочи-
 неніями.

Темы для кандидатскихъ сочиненій въ первое
 время по введеніи устава 1869 г. давались препода-
 вателями какъ богословскихъ, такъ и свѣтскихъ наукъ.
 Поэтому въ числѣ кандидатскихъ сочиненій встрѣча-
 лись сочиненія на темы по свѣтскимъ наукамъ, въ
 родѣ: Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Мат-
 вѣевъ, или: Теорія Дарвина и ея отношеніе къ нача-
 ламъ христіанской нравственности. Въ 1875 г., по
 поводу ревизіи Академіи Митрополитомъ Московскимъ
 Макаріемъ, было предписано св. Синодомъ, чтобы темы,
 избираемыя для сочиненій на ученые богословскія сте-
 пени, не относились къ чисто свѣтскимъ наукамъ, а
 давали возможность сочинителямъ доказывать богослов-
 скія познанія. Съ тѣхъ поръ всѣ темы кандидатскихъ

сочиненій имѣли строго богословскій характеръ. По своему содержанію, темы кандидатскихъ сочиненій были гораздо разнообразнѣе и спеціальнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ періодѣ. Изъ общеобязательныхъ предметовъ всего болѣе темъ было по св. Писанію. Изъ предметовъ богословскаго отдѣленія было всего больше темъ по библейской археологіи и патрологіи. Изъ предметовъ церковно-историческаго отдѣленія болѣе всего сочувствіемъ студентовъ пользовались темы по общей церковной исторіи, по русской церковной исторіи и по исторіи раскола. Изъ предметовъ церковно-практическаго отдѣленія темы относились къ исторіи русской литературы, къ церковному праву, къ литургикѣ съ археологіей и къ исторіи проповѣдничества съ гомилетикой. Не мало было сочиненій и по миссіонерскимъ предметамъ (Терн. Ист. Зап. 218—224).

Уставъ 1884 г. дозволилъ попрежнему лучшимъ студентамъ пріобрѣтать эту степень при окончаніи курса на основаніи обычныхъ экзаменовъ и сочиненія, писаннаго въ IV курсѣ (§ 125. 136). Но онъ не понизилъ научныхъ требованій отъ сочиненій на степень магистра. Онъ также требуетъ, чтобы магистерское сочиненіе было напечатано и защищено публично въ коллоквиумѣ. Онъ счелъ нужнымъ уничтожить только излишнюю и не совсѣмъ приличную оживленность и театральность, которыя нерѣдко замѣчались на прежнихъ диспутахъ, и желалъ устроить такъ, чтобы эти диспуты носили характеръ скромныхъ и серьезныхъ ученыхъ собраній. Для этого онъ устранилъ доступъ въ эти собранія лицамъ, мало интересующимся учеными вопросами и

видящимъ въ диспутахъ своего рода зрѣлица. Онъ дозволилъ присутствовать на нихъ только любителямъ духовнаго просвѣщенія и по преимуществу лицамъ, принадлежащимъ къ учебнымъ и ученымъ корпораціямъ въ городѣ, по особому приглашенію академическаго начальства. Въ этомъ состоитъ отличіе коллоквиума, введеннаго уставомъ 1884 г., отъ прежняго диспута (Объяснит. Зап. къ § 125). Затѣмъ, уставъ 1884 г. усилилъ начальственный контроль надъ присужденіемъ магистерской степени, предоставивъ утвержденіе въ ней св. Синоду, который, по прежнему порядку, существовавшему до реформы 1869 г., прежде утвержденія въ степени по представленію академическаго начальства поручаетъ разсмотрѣніе магистерскихъ сочиненій своимъ членамъ или другимъ преосвященнымъ (§ 81. в. п. 6). Почему послѣ коллоквиума теперь не бываетъ провозглашенія объ удостоеніи степени магистра, какъ бы о дѣлѣ оконченномъ, а дѣлается постановленіе о томъ, чтобы представить объ утвержденіи въ степени на усмотрѣніе высшаго начальства.

Въ 1889 г. 23 февраля св. Синодъ далъ руководственныя правила для разсмотрѣнія сочиненій, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней и разослалъ ихъ совѣтамъ Академій къ должному руководству и непремѣнному исполненію. Эти правила разъясняютъ и дополняютъ постановленія устава 1884 года на счетъ характера темъ сочиненій на богословскую степень, направленія этихъ сочиненій и порядка разсмотрѣнія ихъ. Въ виду § 125 академическаго устава, говорится въ упомянутомъ указѣ св. Синода, не должны

быть назначаемы или одобряемы темы, которыя не имѣютъ богословскаго характера или имѣютъ самое отдаленное отношеніе къ богословію. Таковы преимущественно темы, имѣющія своимъ предметомъ различные вопросы психологіи и педагогики, обзоръ различныхъ направленій въ новой западной философіи, критическій разборъ сочиненій, появляющихся въ западной литературѣ по предметамъ различныхъ наукъ общаго образованія, имѣющихъ лишь самое отдаленное отношеніе къ богословскимъ наукамъ. Да и въ кругу темъ богословскаго содержанія не должны быть дозволяемы темы, которыя направляютъ сочинителя исключительно къ изученію какой либо ереси или какого либо ложнаго ученія и останавливаютъ на этомъ предметѣ его вниманіе въ продолженіе года и болѣе. Потомъ, при разсмотрѣніи сочиненій, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней, упомянутымъ указомъ св. Синода требуется обращать вниманіе не на одни только ученые достоинства сочиненія, но и на соотвѣтствіе общаго направленія его съ духомъ и достоинствомъ православной Церкви. Въ научныхъ изслѣдованіяхъ, представляемыхъ на ученую богословскую степень, должна выражаться твердость убѣжденій въ духѣ православной Церкви, которая одна только можетъ сообщить нашей богословской наукѣ надлежащій жизненный характеръ, дать ей свойственный ей видъ православной науки и обезпечить ей самобытность и прочный успѣхъ. Для обезпеченія лучшей оцѣнки ученыхъ богословскихъ сочиненій съ указанной точки зрѣнія св. Синодъ призналъ полезнымъ возста-

новить существовавшее прежде (съ указа 21 мая 1863 г.) правило, чтобы каждое сочиненіе на ученую степень сначала прочитано было, съ надлежащею оцѣнкою, наставникомъ, по предмету котораго писано сочиненіе, затѣмъ — однимъ изъ членовъ Совѣта по назначенію ректора Академіи, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ рецензентовъ представлялъ свой отзывъ ректору, независимо отъ другаго. По разсмотрѣніи этихъ отзывовъ, а по мѣрѣ надобности и самыхъ сочиненій, ректоръ вноситъ оныя въ Совѣтъ, который на основаніи представленныхъ ему данныхъ удостоиваетъ автора той или другой степени (Проток. Сов. 1889. стр. 21—28). Чтобы магистерскія сочиненія являлись въ печать по возможности въ безукоризненномъ видѣ съ научной и литературной стороны, принято за правило поручать надзоръ за печатаніемъ ихъ тому профессору, подъ руководствомъ котораго писалось сочиненіе (Тернов. Ист. Зап. 257).

Въ дореформенный періодъ, какъ мы упоминали, около трети студентовъ, оканчивающихъ курсъ, получали степень магистра. Уставъ 1869 года обязывалъ всѣхъ оканчивающихъ курсъ студентовъ готовиться къ магистерскому испытанію въ концѣ IV курса и работать въ теченіе этого же курса надъ какимъ нибудь спеціальнымъ вопросомъ съ цѣлію приготовленія матеріала для магистерскаго сочиненія. По экзамену дѣйствительно почти всѣ студенты ($\frac{1}{5}$) оканчивали курсъ магистрантами. Но сочиненіе магистерское удавалось написать очень немногимъ, благодаря возвышенію требованій отъ этихъ сочиненій съ введеніемъ устава

1869 г. Изъ 304 студентовъ, державшихъ магистерскій экзамень при дѣйствиі устава 1869 года, только 28 человекъ представили удовлетворительныя магистерскія сочиненія и получили магистерскую степень, и при томъ половина ихъ спустя много времени—при дѣйствиі устава 1884 г. (Тернов. Ист. Зап. 236—241. Сравн. стр. 77 о Свѣтлаковѣ). Не много измѣнилось къ лучшему процентное отношеніе магистровъ къ общему числу оканчивающихъ курсъ студентовъ и послѣ введенія устава 1884 года. Изъ 296 студентовъ, окончившихъ курсъ при дѣйствиі устава 1884 г., магистрантами выпущены при окончаніи курса 33 человекъ. Изъ нихъ восемь человекъ (Несмѣловъ, Молчановъ, Архангельскій А., Нарбсковъ, Полетаевъ, Предтеченскій, Благовидовъ, Соколовъ) уже получили степень магистра, а семь человекъ (Городковъ, Невзоровъ, Подгорбунскій, Соколовъ Ив., Добросмысловъ, Реверсовъ и Мироносицкій) представили сочиненія, признанныя Совѣтомъ удовлетворительными для степени магистра, но не защитили еще ихъ на коллоквиумѣ (Тернов. Ист. Зап. 267—269. 337).

Выставляя требованіе, чтобы всѣ магистерскія сочиненія прежде защиты были напечатаны, составители устава 1869 г. предвидѣли, что это требованіе во многихъ случаяхъ можетъ оказаться неисполнимымъ по неимѣнію матеріальныхъ средствъ у магистрантовъ. Поэтому въ штатѣ Академіи они назначили особую казенную сумму на печатаніе магистерскихъ диссертаций. Подобная сумма удержана въ штатѣ и по уставу 1884 г. Первоначально право пользоваться казенной суб-

сидей было предоставлено тѣмъ студентамъ, которые подали свои сочиненія при окончаніи курса. Впослѣдствіи указомъ св. Синода 1883 г. это право было распространено и на сочиненія, поданныя въ теченіе двухъ лѣтъ по окончаніи курса авторомъ сочиненія. Въ періодъ времени 1872—1884 гг. было напечатано на казенный счетъ девять магистерскихъ сочиненій: Милославскаго, Монастырева, К. Кутепова, Яхонтова, Сырцова, Сахарова, Попова, Дмитріевскаго и Алмазова. Кромѣ того, восемь сочиненій было напечатано на страницахъ Православнаго Собесѣдника (Адоратскаго, Алфіонова, Н. Кутепова, Бѣликова, Говорова, Плотникова, Катетова, Смирнова) и одно (Мапанова) въ Миссіонерскомъ Сборникѣ (Терн. Ист. Зап. 180. 241). Со введенія устава 1884 г. всѣ студенты, получившіе уже степень магистра, печатали свои магистерскія сочиненія на счетъ академической суммы, а изъ другихъ магистрантовъ, представившихъ сочиненія, за троими признано право на казенную субсидію при печатаніи сочиненія (Терн. Ист. Зап. 267—269. 337).

Для поощренія студентовъ въ занятіяхъ, особенно въ сочиненіяхъ, существуютъ въ Академіи преміи за лучшія сочиненія. Еще въ 1855 г. было пожертвовано Академіи оберъ-прокуроромъ св. Синода графомъ Протасовымъ 116 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ означенной суммы были выдаваемы въ награду одному изъ лучшихъ воспитанниковъ. Въ виду незначительности годовыхъ процентовъ съ этой суммы, Академія выдавала и выдаетъ награду не ежегодно, а черезъ нѣсколько лѣтъ, когда накопится до 20—30 р.—Затѣмъ

съ 70-хъ годовъ существуетъ у насъ, какъ и въ другихъ Академіяхъ, премія Литовскаго митрополита Іосифа въ 165 р. за лучшее курсовое сочиненіе. Она высылается изъ св. Синода ежегодно, съ пропускомъ одного года чрезъ каждые три года. Премію митрополита Іосифа получили слѣдующіе пятнадцать студентовъ: въ 1871 г. Ѳ. Кургановъ XIII к. за сочиненіе: Устройство управленія въ церкви королевства Греческаго, въ 1875 г. А. Снегиревъ за сочиненіе: Богослужебная поэзія древней греческой церкви, въ 1876 г. Резановъ XVI к. за сочиненіе: Климентъ и Оригенъ, какъ апологеты христіанства, — въ 1877 г. Машановъ XVII к. за сочиненіе: Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь челоука, — въ 1879 г. Царевскій за сочиненіе: Характеръ и значеніе сочиненій Ивана Посошкова, — Сырцевъ въ томъ же году за сочиненіе: Возмущеніе старообрядцевъ въ Соловецкомъ монастырѣ, — въ 1881 г. Виноградовъ Н. XXI к. за сочиненіе: Догматическая система св. Григорія Богослова, — Плотниковъ въ томъ же году за сочиненіе: Главные моменты въ исторіи христіанскаго просвѣщенія въ отношеніи къ древнему греко-римскому образованію и греко-римской наукѣ и литературѣ, — въ 1883 г. Дмитріевскій XXIII к. за сочиненіе: Православное богослуженіе въ русской церкви въ XVII в., — въ 1884 г. Вознесенскій XXIV к. за сочиненіе: О сборникѣ правилъ извѣстномъ подъ именемъ Зонарь, въ 1886 г. Вѣляевъ Ив. XXVI к. за сочиненіе: Исторія чина постриженія въ монашество, въ

1887 г. Нарбековъ XXVIII к. за сочиненіе: Толкованіе Осодора Вальсамона на Номоканонъ Фотія, — Ивановскій В. XXVIII к. за сочиненіе: Сказанія евангелистовъ о крестныхъ страданіяхъ, смерти и погребеніи Господа нашего Іисуса Христа. Опытъ критико-экзегетическаго анализа, — Подгорбунскій XXIV к. за сочиненіе: Нравственное ученіе буддизма по монгольской книгѣ Улигэр'унъ далай, — Арсеньевъ XXXI к. за сочиненіе: Развѣтїе папской власти на западѣ X—XIII в.—Потомъ въ 1882 году по духовному завѣщанію Московскаго Митрополита Макарія отказанъ въ пользу нашей Академіи, наравнѣ съ другими Академіями, капиталъ въ 20,000 руб., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ сей суммы учреждены были при Академіи преміи его имени за лучшія сочиненія наставниковъ и студентовъ. Совѣтъ Академіи, принявъ съ живѣйшею благодарностію къ памяти почившаго архипастыря столь щедрый и въ Казанской Академіи еще безпримѣрный даръ, составилъ правила относительно выдачи премій, которыя, по утвержденіи ихъ св. Синодомъ 27 іюля 1883 г., введены въ дѣйствіе. По этимъ правиламъ, третья часть ежегодныхъ процентовъ съ капитала выдается въ качествѣ преміи за студенческое сочиненіе, и двѣ трети назначаются въ премію за сочиненіе наставническое. Преміи митр. Макарія удостоены: студентъ XXV к. А. Алязовъ за сочиненіе: Исторія чиновослѣдованій крещенія и муропомазанія, студенты XXVIII к. Несмѣловъ и Молчановъ за сочиненія: Догматическая система св. Григорія нисскаго и св. Кипріанъ карфагенскій и его ученіе о Церкви, студентъ XXIX к.

Полетаевъ за сочиненіе: Труды митр. Евгенія Волховитинова по исторіи русской Церкви. — Кромѣ того были случаи единовременныхъ премій за рѣшеніе извѣстныхъ ученыхъ задачъ. Такъ, въ 1882 г. бывшій Казанскій архипастырь Высокопреосвященнѣйшій Палладій, генеръ Митрополитъ С.-Петербургскій, желая почтить память Московскаго Митрополита Филарета по случаю столѣтняго юбилея со дня его рожденія, предложилъ студентамъ написать кандидатское или магистерское сочиненіе на тему: Догматическое богословіе по сочиненіямъ Филарета Митрополита Московскаго, и за удачное исполненіе задачи назначилъ премию въ 300 руб. Премию получилъ студентъ XXVI к. А. Городковъ. Еще, въ 1886 г. была прислана въ Совѣтъ Академіи премія въ 300 р. для выдачи студенту, который напишетъ удачное сочиненіе на тему: О десятословіи Моисея, какъ сокращенной формулѣ нравственнаго закона въ ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви. Премія выдана студенту XXVIII к. Е. Веригину (Тернов. Ист. Зап. 110—114. 290—292).

Согласно доброй методѣ ученія, принятой въ духовныхъ школахъ со времени устава 1814 г., домашнія упражненія студентовъ должны состоять, кромѣ составленія сочиненій, въ чтеніи книгъ, относящихся къ духовному образованію. И чтеніе книгъ, подобно сочиненіямъ, должно происходить подъ руководствомъ профессоровъ. Чтеніе не менѣе требуетъ назначенія и отчета, говорится въ этомъ уставѣ, какъ и сочиненіе; ибо ничто не можетъ быть болѣе вредно, какъ чтеніе произвольное, поверхностное, разсѣянное, безъ точной

цѣли и безъ аналитическаго разбора. Оно напыщаетъ умъ, затмеваетъ понятія, пріучаетъ къ разсѣянности мыслей, и есть ничто другое, какъ пища праздности и пустое препровожденіе времени. Въ духовномъ училищѣ никакая новая книга не должна появляться иначе, какъ съ назначеніемъ учебнаго управленія и съ вѣдома надзирателей (§ 23. 24). Книги должны были отпускатся еженедѣльно по запискамъ профессоровъ, которыя предъявлялись ректору на просмотръ. Отличнѣйшимъ студентамъ ректоръ могъ по собственному усмотрѣнію выдавать ежемѣсячные билеты для посещенія библіотеки и занятій въ ней (§ 211. 215). Исторія Академіи свидѣтельствуетъ, что академическое начальство не позволяло студентамъ читать журналы свѣтскаго содержанія напр. Современникъ, Отечественныя Записки, сочиненія на иностранныхъ языкахъ и вообще слѣдило за чтеніемъ книгъ студентами. Такой порядокъ продолжался до ректора Іоанна, при которомъ студенты стали свободно читать всякія книги. При ректорѣ Иннокентіи опять вышло распоряженіе, чтобы студенты брали изъ библіотеки книги только по записи, предварительно разсмотрѣнной ректоромъ, но недолго имѣло силу (Знам. II, 262—263). Въ уставѣ 1869 г. вопросъ о чтеніи книгъ студентами былъ обойденъ молчаніемъ. Уставъ 1884 г. старается снова завести дисциплину въ этомъ отношеніи въ духѣ устава 1814 г. Чтеніе книгъ студентами, говорится въ дѣйствующемъ уставѣ, должно быть направлено къ болѣе основательному усвоенію преподаваемыхъ имъ наукъ. Частнѣйшія правила предоставлено составить Совѣту

Академіи (§ 127). Во исполненіе этого постановленія въ текущемъ году Совѣтомъ составлены требуемыя правила и съ утвержденія Преосвященнѣйшаго Владыки введены въ дѣйствіе (Прот. 8 іюня 1892. утв. 1 іюля). Важнѣйшія изъ этихъ правилъ слѣдующія. Книги небогословскаго содержанія, а также книги богословскаго содержанія, принадлежація къ иностранной неправославной литературѣ, рекомендуетсяъ студентамъ читать только по указанію или съ одобренія начальства или преподавателей. Книгами, изъятими изъ общественныхъ библіотекъ по распоряженію высшаго начальства, студенты могутъ пользоваться только для ученыхъ цѣлей, при составленіи сочиненій; въ такомъ случаѣ они могутъ получать эти книги по запискѣ того преподавателя, по специальности котораго требуются справки изъ означенныхъ книгъ. Чтеніе газетъ и журналовъ допускается только какъ отдыхъ отъ серьезнаго умственнаго труда. Да и при этомъ нужно избѣгать такихъ произведеній беллетристики, которыя завѣдомо тенденціозны. Студентамъ запрещается брать для чтенія книги изъ частныхъ городскихъ библіотекъ. Городскую публичную библіотеку студенты могутъ посѣщать съ вѣдома инспекціи и въ незанятные часы (§§ 10. 14. 17).

Для большаго удобства студентовъ относительно чтенія книгъ, по уставу 1884 г. имъ позволяется имѣть свою особую студенческую библіотеку, пополняемую на собственные средства студентовъ. Само собой понятно, что въ эту библіотеку должны поступать только книги серьезныя, необходимыя студентамъ при составленіи семестровыхъ и курсовыхъ сочиненій и при

усвоені лекцій профессорівъ. Наблюденіе за составомъ и пополненіемъ студенческой бібліотеки принадлежитъ ректору; безъ его разрѣшенія не должна поступать въ оную ни одна книга. Надзоръ за благоустройствомъ студенческой бібліотеки и порядкомъ пользованія книгами возложенъ на инспектора Академіи. Библіотечкой завѣдуетъ студентъ по назначенію ректора и инспектора (§ 129).

Степень доктора богословія, присужденіе которой также предоставлено духовнымъ Академіямъ, пріобрѣтается внѣ школы лицами, уже много потрудившимися въ разработкѣ какого нибудь отдѣла богословія. Въ прежнее время давали степень доктора богословія главнымъ образомъ за составленіе системы по какой нибудь изъ богословскихъ наукъ. Съ устава 1869 г. принято требовать отъ желающихъ пріобрѣсти степень доктора богословія диссертациі, разсматривающей какой нибудь отдѣльный богословскій вопросъ. Но какъ прежде, такъ и теперь равно требуется, чтобы сочиненіе на степень доктора богословія представляло самостоятельный, серьезный, основательный трудъ. Приведенный нами выше указъ св. Синода 1889 года о разсмотрѣніи сочиненій на ученыя богословскія степени конечно относится и къ разсмотрѣнію сочиненій на докторскую степень, и въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ сочиненіямъ на степень магистра. Утвержденіе въ докторской степени принадлежало по уставу 1814 г. комиссіи духовныхъ училищъ (§ 423), а съ устава 1869 г. принадлежитъ св. Синоду. Въ прежнее время степень доктора давалась на основаніи отзывовъ о сочиненіи

членовъ конференціи, имѣющихъ докторскую степень, и общаго представленія конференціи (§ 420—421). Съ устава 1869 г. выставлено новое требованіе, чтобы авторъ докторскаго сочиненія защитилъ его въ публичномъ засѣданіи Совѣта Академіи (Уст. 1869. § 145. Полож. Объ испыт. на учен. степ. 1874. ст. 47—49). Уставъ 1884 г. отмѣнилъ публичную защиту докторскихъ сочиненій. Онъ призналъ неумѣстнымъ требованіе публичной защиты, ибо въ этомъ выражалось бы недовѣріе къ ученымъ достоинствамъ докторанта, уже доказаннымъ и пріобрѣтшимъ большую или меньшую извѣстность. Въ частности для лицъ, занимающихъ видныя мѣста въ церковной іерархіи, совершенно неудобна самозащита: не соотвѣтственно ихъ званію, сану, а иногда и лѣтамъ, чтобы для открытаго диспутированія они появлялись на кафедрѣ и подвергали себя случайностямъ словопреній (Объясн. Зап. къ § 142. 143). Поэтому, по теперешней практикѣ, въ случаѣ представленія въ Совѣтъ какого нибудь сочиненія на предметъ пріобрѣтенія ученой степени доктора богословскихъ наукъ, сочиненіе передается для разсмотрѣнія послѣдовательно двумъ рецензентамъ, затѣмъ разсматривается въ Совѣтѣ, и въ случаѣ благопріятнаго постановленія, дѣло о присужденіи степени представляется на окончательное разсмотрѣніе св. Синода. Кромѣ того уставъ 1884 г. раздѣлилъ высшую богословскую степень на три вида—на степень доктора богословія въ строгомъ смыслѣ, на степень доктора церковной исторіи и на степень доктора церковнаго права, соотвѣтственно отличительному характеру уче-

ныхъ трудовъ или представленной диссертациі (§ 141—142). Это подраздѣленіе высшей богословской степени сдѣлано для того, чтобы устранить сѣтованія нѣкоторыхъ сферъ, что степень доктора богословія давалась до этого времени за сочиненія, посвященныя рѣшенію какого нибудь частнаго вопроса изъ области церковной исторіи или церковнаго права, далеко отстоящаго отъ теоретическаго богословія.

Въ дореформенный періодъ докторская степень была рѣдкостію; она давалась исключительно лицамъ духовнаго сана. Въ этотъ періодъ въ нашей Академіи былъ только одинъ случай представленія къ докторской степени—бывшаго ея ректора Никанора да и то наканунѣ реформы Академіи (Знам. I, 252). Уставъ 1869 г. поставилъ приобрѣтеніе докторской степени необходимымъ условіемъ достиженія званія ординарнаго профессора. Съ этого времени волей неволей должны были умножиться доктора богословія. И вотъ въ четырнадцать лѣтъ дѣйствія этого устава мы насчитываемъ въ лѣтописяхъ нашей Академіи восемь случаевъ приобрѣтенія докторства профессорами Академіи (Знаменскимъ, Порфирьевымъ, Красинымъ, Бѣляевымъ, Кургановымъ, Бердниковымъ, Ивановскимъ, Богородскимъ) и одинъ случай возведенія въ званіе почетнаго доктора лица посторонняго — бывшаго профессора Академіи, тогда епископа Нижегородскаго Хрисанеа (Знам. II, 263—264. Тернов. Истор. Зап. 76—79. 108—109). При дѣйствующемъ уставѣ приобрѣлъ докторскую степень въ 1887 г. одинъ профессоръ—Будринъ (Терн. 259. 287—288).

Кромѣ образованія духовнаго юношества, задачей духовныхъ Академій уставъ 1814 г. поставляетъ распространеніе и поощреніе учености въ духовенствѣ. Органомъ, посредствомъ котораго Академія достигала этой задачи, была академическая конференція, состоявшая не изъ однихъ профессоровъ Академіи, а и изъ постороннихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, сочувствующихъ духовному образованію, а средствами для того служили производство академическихъ экзаменовъ, возведеніе въ ученые богословскія степени и завѣдываніе духовной цензурой. Какъ видимъ, средства къ распространенію духовнаго образованія указаны были въ уставѣ 1814 г. такія, которыя только косвенно касаются этого дѣла. Производство экзаменовъ и возведеніе въ ученые степени прямо относятся къ внутренней жизни Академіи и совершенно справедливо переданы со времени устава 1869 г. органамъ академическаго управленія. Завѣдываніе цензурой—дѣло постороннее для Академіи и трудно совмѣстимое съ прямыми обязанностями профессоровъ Академіи, если оно не касается ученыхъ трудовъ самихъ же профессоровъ. Поэтому опять совершенно естественно духовно-цензурные комитеты при столичныхъ Академіяхъ поставлены независимо отъ Академій еще въ 50-хъ годахъ, а въ Кіевѣ духовно-цензурный комитетъ прекратилъ свое существованіе съ введеніемъ устава 1869 г. Въ Казани духовно-цензурный комитетъ существуетъ какъ наслѣдіе почтенной старины, по преимуществу для разсмотрѣнія сочинсній, представляемыхъ преподавателями Академіи. Просвѣтительное вліяніе Академіи внѣ ея—на общество

можетъ и должно проявляться въ другихъ формахъ, гораздо болѣе тѣсно и непосредственно связанныхъ съ главной задачей Академіи,—именно въ учено-литературной дѣятельности и въ публичныхъ лекціяхъ. Эти формы и пути просвѣтительнаго вліянія Академій на общество прямо указаны въ уставѣ 1869 г., а затѣмъ и въ дѣйствующемъ уставѣ. Здѣсь Академіямъ предоставлено право открывать публичныя лекціи, учреждать ученые общества, предметами дѣятельности которыхъ могутъ быть: разработка и изданіе источниковъ христіанскаго вѣроученія, памятниковъ и матеріаловъ, относящихся къ исторіи и современному состоянію Церкви; обзоръ произведеній отечественной и иностранной богословской литературы; изысканіе способовъ къ возвышенію уровня всѣхъ отраслей богословскихъ наукъ, а равно и прочихъ наукъ, съ тѣхъ сторонъ, которыми онѣ соприкасаются съ христіанствомъ и богословскою ученостію; предоставлено право имѣть свои ученые изданія (Уст. 1869. § 170. 177. 180. Уст. 1884. § 163. 170. 173). Но эти пути просвѣтительнаго вліянія Академіи такъ естественно присущи ей, что обозначились практически задолго до устава 1869 г.

За неимѣніемъ въ духовномъ вѣдомствѣ особаго учрежденія, которое бы соотвѣтствовало Академіи Наукъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, духовныя Академіи естественно представляются средоточіями духовной учености, откуда должно исходить движеніе духовной науки, и гдѣ слѣдуетъ искать компетентной оцѣнки всякому новому явленію въ области духовной науки и литературы. Отсюда естественно, что наше

церковное правительство еще при дѣйствіи устава 1814 г. время отъ времени обращалось къ Академіямъ съ порученіями, имѣющими въ виду содѣйствіе духовному просвѣщенію православнаго народа или за разрѣшеніемъ вопросовъ церковно - археологическаго или практическаго характера. Подобныя порученія не разъ исполняла и наша Академія на ряду съ другими Академіями. Такъ напр. въ 1858 году нашей Академіи было поручено, вмѣстѣ съ Академіей С.-Петербургской, перевести на русскій языкъ Евангеліе отъ Матѳея, въ 1859 г. Евангеліе отъ Луки, посланія къ Коринѳянамъ и Апокалипсисъ. Въ 1860-хъ годахъ св. Синодъ озаботился переводомъ на русскій языкъ книгъ Ветхаго Завѣта и опять раздѣлилъ этотъ трудъ между Академіями; на долю нашей Академіи досталось провѣрить вмѣстѣ съ С.-Петербургской Академіей 75 псалмовъ русскаго перевода Псалтири (Знам. I, 285—286). Въ 1876 г. было поручено св. Синодомъ Казанской Академіи составленіе объясненій неудобопонятныхъ словъ и выраженій въ пророческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта (Терн. Ист. Зап. 41). Еще ранѣе, въ 1847 г., по поводу массовыхъ отпаденій крещеныхъ татаръ отъ православной Церкви послѣдовало Высочайшее повеленіе приготовить переводъ на татарскій языкъ необходимѣйшихъ духовныхъ книгъ православнаго исповѣданія, съ тѣмъ, чтобы можно было учредить православное на семь языкѣ богослуженіе для татаръ, принявшихъ православную вѣру. Исполненіе этого порученія было возложено Правленіемъ Академіи на особый переводческій комитетъ изъ специалистовъ (Знам. II, 345—346). Въ 1853 г. Казанской

Академіи, какъ не занятой до тѣхъ поръ никакимъ по-временнымъ изданіемъ, поручено было, согласно Высочайшей волѣ, изданіе духовнаго журнала съ преимущественнымъ направленіемъ противъ раскола въ различныхъ его видахъ (Знам. II. 531—532).

Нерѣдко дѣлались со стороны центрального церковнаго правительства порученія ученаго характера тому или другому профессору Академіи въ частности. Такъ напр. по порученію высшаго духовно-училищнаго начальства профессоръ Порфирьевъ въ 1887 г. составилъ разборъ учебника русской грамматики В. Миропольскаго; проф. Знаменскій въ 1884 г. и 1887 г. составилъ рецензіи на сочиненія Жмакина и Голубева, представленныя на соисканіе преміи Митр. Макарія: Митрополитъ Даниилъ и его время и Петръ Могила. Проф. Богородскій въ 1888 и 1891 гг. составилъ рецензіи на книги профессоровъ Кіевской Академіи Ѳ. Покровскаго и А. Олесницкаго, представленныя тоже на преміи Макарія: Раздѣленіе еврейскаго царства и Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ. Проф. Кургановъ въ 1890 г. составилъ рецензію на сочиненіе Булгакова: Очеркъ исторіи методизма. Проф. Красносельцевъ въ 1888 году далъ рецензію на сочиненіе Никольскаго: О службахъ россійской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ. Проф. Богословскій въ 1890 г. написалъ отзывъ объ ученыхъ и педагогическихъ достоинствахъ сочиненія прот. М. Хераскова: Обзоръніе посланій апостольскихъ и Апокалипсиса. Проф. А. Гусевъ написалъ рецензію на сочиненіе профессора Кіевской Академіи М. Олесниц-

каго: Исторія нравственности и нравственныхъ ученій. Кроме того нѣкоторые профессора давали ученые рецензіи по порученію Академіи Наукъ, а именно: Проф. Бердниковъ въ 1882 г. далъ рецензію на сочиненіе проф. М. Горчакова: О тайнѣ супружества; проф. Знаменскій въ 1887 г. — на сочиненіе Каптерева: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII в.; проф. Порфирьевъ въ 1889 г. — на сочиненіе В. Мочульскаго: Историко-критическій анализъ Стиха о Голубиной книгѣ (Терн. 263—265).

Потомъ каждый профессоръ и безъ особаго порученія начальства чувствуетъ на себѣ долгъ работать для науки на ряду съ приготовленіемъ лекцій и время отъ времени публиковать результаты своихъ научныхъ занятій въ формѣ ли цѣлыхъ научныхъ курсовъ, или въ формѣ монографій или критическихъ замѣтокъ по отдѣльнымъ вопросамъ науки. Въ первыя десять лѣтъ своего существованія наша Академія была занята по преимуществу устроеніемъ учебнаго курса и ей было не до ученыхъ трудовъ. Но и въ это время и притомъ тотчасъ по окончаніи перваго курса явился въ ней ученый трудъ, признанный специалистами за драгоценный подарокъ для восточной филологіи и удостоенъ Демидовской преміи. Разумѣемъ Монголо-калмыцкую грамматику Бобровникова (Знам. I, 65. II, 337 — 341). Учено-литературная дѣятельность профессоровъ Академіи сосредоточивалась главнымъ образомъ въ учено-литературнымъ органѣ Академіи—Православномъ Собесѣдникѣ. Она и началась съ изданіемъ этого журнала въ 1855 г. Православный Собесѣдникъ, какъ мы уже

видѣли, открыть по порученію Высшаго Начальства съ особою учено-практической задачей. Онъ издавался въ началѣ начальствомъ Академіи; участіе съ немъ своимъ литературнымъ трудомъ для профессоровъ Академіи было обязанностію не менѣе, если не болѣе важною, чѣмъ чтеніе лекцій. Ректоромъ иногда даже назначалось количество листовъ, какое кто изъ профессоровъ долженъ былъ написать въ теченіе мѣсяца (Знам. I, 113. 534). Эта обязательность для профессоровъ сотрудничества въ Православномъ Собесѣдникѣ хотя уже не начальственная, а нравственная продолжалась долгое время; только около половины 60-хъ годовъ нѣкоторые наставники Академіи стали обращаться съ своими учеными работами въ другіе журналы, главнымъ образомъ по причинѣ обѣднѣнія редакціи академическаго журнала.

Относительно состава первыхъ книжекъ Православнаго Собесѣдника прилагалъ особенное стараніе самъ преосвященный Григорій, соображаясь съ главнымъ назначеніемъ его, указаннымъ волею начальства. Преосвященный Григорій сдалъ нарочитое предложеніе объ этомъ въ редакцію Православнаго Собесѣдника въ декабрѣ 1864 г. Православный Собесѣдникъ, говорится въ этомъ предложеніи, долженъ начаться такою статьею, которая бы показывала собою православіе, такъ сказать, лицомъ. Таковою статьею могутъ быть посланія св. Игнатія Богоносца. Затѣмъ можетъ быть помѣщенъ переводъ Благовѣстника, т. е. толкованія св. Евангелій блаж. Теофилакта архіепископа Болгарскаго. Эта книга у насъ была болѣе 300 лѣтъ настольною книгою и въ

церкви и по домамъ, а посему и заслужила авторитетъ такой книги, которая заключаетъ въ себѣ истинное Христово ученіе и слѣдовательно истинное православіе. Всѣ такъ называемые старообрядцы благоговѣютъ къ сей книгѣ. Этими статьями дѣйствительно и начата первая книжка Православнаго Собесѣдника. Переводъ толкованій Теофилакта Болгарскаго на Новый Завѣтъ печатался въ Православномъ Собесѣдникѣ съ нѣкоторыми перерывами и въ послѣдующее время, но еще доселѣ не конченъ. Выборъ сдѣланъ очень удачно; переводомъ такого важнаго пособія къ правильному пониманію Новаго Завѣта редакція Православнаго Собесѣдника окажетъ важную услугу христіанскому просвѣщенію народа. И въ послѣдующее время редакція Православнаго Собесѣдника хорошо помнила главную задачу его и старалась помѣщать на его страницахъ статьи, прямо или косвенно относящіяся къ исторіи и обличенію раскола. Важнѣйшія статьи этого рода въ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ принадлежали: ректору Агаѳангелу (О книгахъ, на которыхъ отступники отъ православія основываютъ свои неправильныя мнѣнія. Прав. Собесѣд. II, 57. О книгѣ Большой Катихизисъ. 1855. III, 117. IV, 252. 1856; III, 305. IV, 399), преподавателямъ: Добротворскому (Знам. II, 399—400), Шапову (Знам. II, 133), Павлову (Знам. II, 324). Состояніе русскаго раскола не переставало интересоватъ редакцію Православнаго Собесѣдника и въ 60-хъ годахъ до конца ихъ. Очень много дѣльныхъ статей по расколовѣднѣию помѣщено въ Православномъ Собесѣдникѣ за это время преемникомъ Добротвор-

скаго по кафедрѣ проф. Ивановскимъ и бывшимъ ректоромъ Академіи архим. Никаноромъ (Знам. II, 402. 242—243). Но нужно замѣтить, что съ половины 60-хъ годовъ исторія раскола возбуждаетъ къ себѣ вниманіе и въ другихъ духовныхъ журналахъ, кромѣ Правосл. Собесѣдника, напр. въ Христ. Чтеніи, гдѣ помѣщалось очень много весьма цѣнныхъ въ научномъ отношеніи монографическихъ изслѣдованій по исторіи раскола, принадлежащихъ достоуважаемому профессору С.-Петербургской Академіи Ив. Θεод. Нильскому, а съ 1875 г. явилось новое изданіе, специально посвященное разработкѣ историческихъ памятниковъ, касающихся раскола, и внимательно слѣдящее за всѣми явленіями въ современной жизни раскольниковъ, — это Братское Слово, издаваемое подъ редакціей многоуважаемаго Московской Академіи профессора Субботина.

Для исполненія Православнымъ Собесѣдникомъ своей задачи было признано необходимымъ снабдить нашу Академію старопечатными и рукописными книгами богослужебнаго и вообще церковнаго содержанія. Эта потребность Академіи была удовлетворена передачей въ ея распоряженіе бібліотеки Соловецкаго монастыря. Соловецкая бібліотека сослужила нашей Академіи великую службу какъ въ дѣлѣ изданія Православнаго Собесѣдника, такъ и въ развитіи научной дѣятельности Академіи вообще. „Лучшія научныя силы Академіи, говоритъ историкъ нашей Академіи, восторженно устремились къ изученію драгоценныхъ рукописей. Интересъ къ древней русской письменности и къ русской исторіи сразу выросъ до такой степени,

что надолго заслонилъ собою въ научной жизни Академіи всѣ другіе интересы. Исторія русской письменности, русская исторія и исторія раскола, особенно въ рукахъ такихъ наставниковъ—руководителей, какъ бакалавры Порфирьевъ, Добротворскій, Лиловъ, Шаповъ, сдѣлались преобладающими предметами занятій студентовъ, которые и сами очень близко стояли къ Соловецкой библіотекѣ, составляя описаніе ея сборниковъ. Увлеченіе ея рукописями отразилось и на литературныхъ трудахъ академическихъ ученыхъ въ Православномъ Собесѣдникѣ“. Послѣ перваго же знакомства съ рукописями Соловецкой библіотеки академическіе ученые увидѣли, что въ этихъ рукописяхъ очень много матеріала, еще никому неизвѣстнаго, а между тѣмъ очень важнаго для исторіи древнерусскаго образованія и литературы и для изученія самаго раскола, и занялись изданіемъ и отчасти разработкой памятниковъ, какіе каждый изъ нихъ открывалъ. Время не позволяетъ намъ перечислять памятники литературы, церковной исторіи и церковнаго права, какіе были изданы въ Православномъ Собесѣдникѣ профессорами: Порфирьевымъ, Добротворскимъ, Лиловымъ, Павловымъ, Мысовскимъ. Достаточно указать на самыя крупныя изданія этого рода: Просвѣтитель Юсифа Волоцкаго и Сочиненія Максима Грека, изд. Порфирьевымъ, Истины показаніе инока Зиновія, Стоглавъ, изд. Добротворскимъ. Вмѣстѣ съ разработкой и изданіемъ памятниковъ древне-русской письменности эти же ученые помѣщали на страницахъ Православнаго Собесѣдника оригинальныя монографическія изслѣдованія по исторіи

древне-русской образованности и религиознаго быта древней Руси. Для примѣра укажемъ на статьи проф. Порфирьева (Употребленіе книги Псалтирь въ древнемъ быту русскаго народа, О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи, Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи, Домострой Сильвестра. Пр. Соб. 1857, IV, 314. 1858. II, 173. 443. 1860. I, 181. III, 279), на статьи Шапова (О способахъ духовнаго просвѣщенія Россіи внѣ училищъ, Соудѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Руси, Русская Церковь въ Сѣверномъ поморьѣ въ XV—XVII вв., Попеченіе отечественной Церкви о внутреннемъ благоустройствѣ гражданскаго общества въ XIII—XV вв., Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-русскихъ сказаніяхъ о мірѣ и пр. Прав. Соб. 1858. I, 87. 262. 483. 1859. II, 3. 256. 1861. I, 77. 173. 249.). Благодаря всѣмъ упомянутымъ выше вообще и въ частности изданіямъ и ученымъ трудамъ наставниковъ Академіи, Прав. Собесѣдникъ обратилъ на себя общее вниманіе и занялъ видное мѣсто даже среди тогдашнихъ спеціально-историческихъ изданій (Знам. II, 530—531).

Вмѣстѣ съ изученіемъ памятниковъ древней русской письменности по рукописямъ Соловецкой библиотеки сливалось первоначально и изученіе памятниковъ древняго русскаго церковнаго права. Первымъ труженникомъ въ этой области былъ бакалавръ А. С. Павловъ. Вѣроятно онъ много обязанъ архивно-библиографическимъ направленіемъ своей ученой дѣятельности именно тому интересу къ изученію рукописей

Соловецкой библіотеки, какой охватилъ въ то время академическихъ преподавателей. А. С. Павловъ, по своей живой и кипучей натурѣ, конечно не могъ отстать отъ другихъ въ благородныхъ научныхъ поискахъ, а долженъ былъ продвинуться въ первый рядъ архивныхъ пионеровъ. Плодомъ его занятій въ рукописной Соловецкой библіотекѣ было изданіе имъ въ Православномъ Собесѣдникѣ многихъ древне-русскихъ каноническихъ памятниковъ. По краткости службы въ Академіи, ему не удалось напечатать въ Православномъ Собесѣдникѣ оригинальныхъ изслѣдованій. Но позднѣйшіе его труды, изданные по выходѣ изъ Академіи, достаточно свидѣтельствуютъ, что въ бытность въ Академіи имъ собрано было очень много цѣннаго матеріала по исторіи церковнаго права въ Россіи—въ рукописяхъ Соловецкой библіотеки. Въ доказательство достаточно указать на его труды: Первоначальный Славяно-русскій номоканонъ, О Кормчей инока - князя Вассіана Патрикѣева, Памятники древне-русскаго каноническаго права, изд. въ VI т. Русской Исторической Вибліотеки. Другимъ работникомъ въ этой области былъ бакалавръ Мысовскій, также напечатавшій въ Православномъ Собесѣдникѣ значительное количество неизданныхъ каноническихъ памятниковъ и помѣстившій въ немъ нѣсколько обширныхъ и серьезныхъ изслѣдованій по исторіи русскаго церковнаго права, какъ-то: Древне-русское церковное право въ связи съ правомъ византійскимъ (Прав. Соб. 1862. I, 177. II, 139. 260. III, 3. 125. 1863. II, 41. III, 78. 262. 329) и Древне-русское право (1867. III, 219),

Рукописная Кормчая XV вѣка (1860. II, 202. 306). Затѣмъ, ректоръ архим. Іоаннъ Соколовъ, поощрявшій историческое направленіе въ учебныхъ работахъ академическихъ преподавателей и студентовъ, и самъ съ своей стороны старался внести свой вкладъ въ общую сокровищницу ученыхъ работъ Академіи. Онъ помѣстилъ въ Православномъ Собесѣдникѣ нѣсколько статей по исторіи русскаго церковнаго права: Объ основныхъ началахъ русскаго церковнаго права, Дѣйствіе греческаго номоканона въ древней Россіи по церковно-суднымъ дѣламъ (Прав. Соб. 1860. I), Стоглавый соборъ (тамъ же II. III). Но какъ бывшій преподаватель церковнаго права въ С.-Петербургской Академіи, составившій цѣлую систему церковнаго права, онъ имѣлъ въ запасѣ огромный матеріалъ и по другимъ отдѣламъ церковнаго права и въ изобиліи наполнялъ имъ Православный Собесѣдникъ (Знам. II, 235. 541), напр. въ 1858 г. онъ помѣстилъ въ Православномъ Собесѣдникѣ до 30 печатныхъ листовъ каноническаго содержанія. Но самой важной заслугой ректора Іоанна предъ церковнымъ правомъ было то, что онъ предпринялъ и испросилъ у св. Синода позволеніе перевести и издать въ Прав. Собесѣдникѣ Дѣянія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. По обычаю, трудъ перевода былъ распределенъ ректоромъ между преподавателями, съ наказомъ, чтобы они представили работу къ опредѣленному сроку. Такимъ же способомъ двигалось дѣло это и впоследствии. Редакторомъ перевода былъ ректоръ, а съ 1867 года профессоръ церковной исторіи Н. П. Соколовъ; переводъ Дѣяній

VII вселенскаго собора и помѣстныхъ соборовъ редактировалъ проф. Некрасовъ. Весь трудъ оконченъ въ 1877 году и составилъ восемь томовъ почтеннаго объема. Трудъ—весьма важный для исторіи православной Церкви и церковнаго права.

Ректоръ Иннокентій, для того чтобы придать Православному Собесѣднику болѣе интереса въ глазахъ православныхъ читателей и чрезъ то содѣйствовать его распространенію, возымѣлъ мысль издавать въ немъ переводъ Дѣяній св. мучениковъ и святыхъ. Кажется, эта мысль была заимствована у преосвященнаго Аѳанасія. По крайней мѣрѣ, когда въ 1861 г. редакція Правосл. Собесѣдника обратилась къ нему съ просьбой о содѣйствіи распространенію Правосл. Собесѣдника, онъ написалъ на представленіи: По моему мнѣнію, Правосл. Собесѣдникъ расходился бы лучше, если бы въ немъ къ мозголомнымъ статьямъ философскаго содержанія и неудобовразумительнымъ по языку присоединяемы были истинно-православныя статьи съ греческаго языка о житіяхъ и страданіяхъ мучениковъ, которыя прямо бы учили и святой православной вѣрѣ и святой жизни, согласной съ православной вѣрой. Преосвященный Аѳанасій вѣроятно охотно согласился ходатайствовать предъ св. Синодомъ о дозволеніи печатать въ Правосл. Собесѣдникѣ Дѣянія мучениковъ въ русскомъ переводѣ. Ходатайство было уважено. Указомъ 3 октября 1864 г. св. Синодъ извѣщалъ преосвященнаго: Принимая во вниманіе, что изданіе въ русскомъ переводѣ жизнеописаній христіанскихъ мучениковъ и святыхъ, сдѣланное съ строгою разборчи-

востію и по соображеніи съ Четьи-минееми, можетъ послужить назидательнымъ чтеніемъ для православнаго народа и пособіемъ для изученія церковной исторіи, св. Синодъ опредѣлилъ, согласно ходатайству Вашего Преосвященства, разрѣшить редакціонному комитету издаваемаго при Казанской Академіи журнала Православнаго Собесѣдника въ видѣ опыта начать съ 1865 г. переводъ вышеозначенныхъ жизнеописаній христіанскихъ мучениковъ и святыхъ, признаваемыхъ православною Церковію, съ тѣмъ, чтобы исполненіе сего столь важнаго труда производимо было подъ ближайшимъ наблюденіемъ Вашего Преосвященства. Довольный новымъ отдѣломъ въ Прав. Собесѣдникѣ Преосв. Аѳанасій въ 1866 г., даже безъ просьбы редакціи, распорядился выписывать Прав. Собесѣдникъ во всѣ церкви Казанской епархіи (Красносельцевъ. Прав. Соб. 1885. III, стр. 491—492). Новое дѣло, предпринятое редакціей Прав. Собесѣдника, оказалось очень сложнымъ, труднымъ, требующимъ обширныхъ ученыхъ и библіографическихъ справокъ и самаго кропотливаго труда. Оно шло, хотя и съ трудомъ, пока были у дѣль Преосв. Аѳанасій и ректоръ Иннокентій—главные его двигатели; въ 1869 году, послѣ изданія двухъ выпусковъ, оно прекратилось. Быть можетъ, Академія еще вспомнить объ немъ со временемъ, особенно послѣ окончанія перевода толкованій Θεофилакта Болгарскаго на Новый Завѣтъ.

По уставу 1869 г. Академіямъ предоставлено имѣть періодическія изданія для помѣщенія въ нихъ ученыхъ трудовъ преподавателей. Согласно этому, Прав. Собе-

сѣдникъ получилъ значеніе періодическаго изданія Академіи для удовлетворенія ея ученыхъ нуждъ. Благодаря новому положенію Прав. Собесѣдника, измѣнился составъ редакціи его, а также и содержаніе. По новымъ правиламъ о редактированіи журнала, введеннымъ въ дѣйствіе въ 1871 году, важнѣйшія дѣла по изданію журнала принадлежатъ общему собранію всѣхъ преподавателей Академіи. Редакціонный комитетъ составляютъ: ректоръ по своей должности и еще два или три члена по выбору корпораціи. Эта организація редакціи существуетъ и доселѣ съ тѣмъ различіемъ, что въ первое время редакторы получали вознагражденіе за свои труды и потому выбирались на срокъ, а съ 1878 года, благодаря ограниченности средствъ редакціи, исполняютъ эти обязанности безмездно и потому не встрѣчаютъ себѣ конкуренціи. Что касается содержанія журнала, то прежде всего къ составу Прав. Собесѣдника, какъ ученаго органа Академіи, должны были присоединиться протоколы Совѣта Академіи, годичные отчеты о состояніи Академіи и актовыя рѣчи, печатаніе которыхъ обязательно для Академіи. Затѣмъ въ ученоемъ органѣ Академіи естественно должны были найти себѣ мѣсто ученые труды ея преподавателей, къ какой бы спеціальности они ни относились, и прежде всего сочиненія на ученые степени. И дѣйствительно въ немъ напечатаны были докторскія сочиненія профессоровъ: Знаменскаго, Бѣляева, Курганова, Бердникова, Ивановскаго, Богородскаго, Будрина. Въ немъ помѣщены были три четверти всѣхъ магистерскихъ сочиненій, какія были рассмотрѣны Совѣтомъ Академіи

за послѣднія двадцать лѣтъ. Магистерскія сочиненія не оплачиваются гонораромъ изъ редакціи. Съ 1878 г. отнесены къ числу бесплатныхъ статей Прав. Собесѣдника и докторскія диссертациі, которыя по желанію авторовъ печатаются въ Прав. Собесѣдникѣ, а также актовыя рѣчи профессоровъ. Кромѣ обязательныхъ и бесплатныхъ статей, въ Правосл. Собесѣдникѣ помѣщаются наконецъ монографическія изслѣдованія профессоровъ, оплачиваемыя гонораромъ. Съ 1878 года, въ виду ограниченности средствъ редакціи Прав. Собесѣдника, опредѣлена норма печатныхъ листовъ мѣсячной книжки Прав. Собесѣдника и указано точно, сколько въ эту норму должно входить статей бесплатныхъ и сколько статей, оплачиваемыхъ гонораромъ. Само собой понятно, что и послѣ 1870 года редакція Прав. Собесѣдника печатала и печатаетъ продолженія прежде начатыхъ трудовъ и отдѣловъ. Такъ напр. до 1877 г. она продолжала печатать переводъ Дѣяній соборныхъ. Съ 1869 г. она возобновила и доселѣ печатаетъ переводъ Толкованій Теофилакта Болгарскаго на Новый Завѣтъ. Не забыты были и памятники древнерусской письменности. Такъ напр. въ 1870—1871 годахъ былъ изданъ Проскинитарій Арсенія Суханова подъ редакціей проф. Ивановскаго; въ 1878 г. было издано проф. Добротворскимъ Обличеніе на Соловецкую челобитную Юрія Крыжанича (Красносельцевъ. Прав. Соб. 1885. III, стр. 499—504. Тернов. Истор. Зап. 61—69).

Ученая дѣятельность преподавателей Академіи впрочемъ не ограничивалась участіемъ ихъ въ акаде-

мическомъ журналѣ. Многіе изъ нихъ обогатили ученую литературу весьма цѣнными отдѣльными изданіями своихъ трудовъ. Укажемъ на болѣе важныя: 1) Бобровникова — Монголо-калмыцкая грамматика, удостоена Демидовской преміи, 2) Саблукова—Сличеніе мухаммеданскаго ученія объ именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ (Казань. 1873) и Коранъ въ русскомъ переводѣ съ приложеніемъ изслѣдованій объ немъ (Казань. 1878—1879), 3) Ильминскаго — многочисленныя сочиненія по миссіонерству и по постановкѣ миссіонерской школы, 4) Порфирьева—Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки. Собраніе памятниковъ напечатано въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ т. XVII. № 1.—Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописяхъ Соловецкой бібліотеки. Напечатано въ Сборникѣ 2 отд. Акад. Наукъ Спб. 1890. Изъ новѣйшихъ сочиненій укажемъ только такія, ученое достоинство которыхъ отмѣчено удостоеніемъ ихъ преміи митр. Макарія. Къ такимъ относятся: 1) сочиненіе Милославскаго — Основанія философіи, какъ спеціальной науки, 2) Богородскаго—Еврейскіе цари, 3) Красносельцева — Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской бібліотеки, 4) Снегирева—Ученіе о снѣ и сновидѣніяхъ, 5) Некрасова — Чтеніе греческаго текста св. Евангелій, 6) Знаменскаго—Духовныя школы въ Россіи. Казань. 1881. и Исторія Казанской Академіи. Казань. 1892. (Тернов. Ист. Зап. 113. 291—292).

Къ числу важныхъ ученыхъ трудовъ академической корпораціи нужно отнести Описаніе рукописей Соловецкой библіотеки. Академическая корпорація тотчасъ же по полученіи въ Академіи Соловецкой библіотеки возымѣла мысль составить ученое описаніе ея. Но до 1875 г. она не могла осуществить этой мысли по недостатку матеріальныхъ средствъ. Эти средства даны были Академіи послѣ ревизіи ея Митрополитомъ Макаріемъ и по его ходатайству. Въ 1875 году составила комиссія профессоровъ, изъявившихъ желаніе заняться этимъ дѣломъ; въ составъ ея вошли: Порфирьевъ, Знаменскій, Миротворцевъ, Ивановскій, Красносельцевъ, Богословскій, Вадковскій и Терновскій. Порфирьевъ составилъ планъ работъ и имѣлъ общее руководственное вліяніе въ этомъ дѣлѣ. Знаменскій принялъ на себя званіе предсѣдателя комиссіи и редактора изданія Описанія. Описаніе повелось и ведется по всѣмъ научнымъ требованіямъ, считающимся обязательными въ лучшихъ трудахъ этого рода и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, должно занять первое мѣсто послѣ Описанія рукописей Синодальной библіотеки Горскаго и Невоструева (Церк. Вѣсти. 1892. № 38. стр. 602). Доселѣ издано два тома Описанія, заключающіе въ себѣ до 93 печатныхъ листовъ, и напечатано до 22 листовъ третьяго тома. Въ первомъ томѣ содержится описаніе 411 рукописей богословскаго содержанія, во второмъ 299 рукописей, относящихся къ церковному праву и исторіи. Относительное участіе въ работѣ членовъ комиссіи выражается въ слѣд. цифрахъ: Порфирьеву принадлежитъ въ этихъ двухъ

томахъ до 15 печатныхъ листовъ, Знаменскому около 35 печатныхъ листовъ, Ивановскому около 3 листовъ, Красносельцеву свыше 9 листовъ (ему же принадлежатъ первые 22 листа печатающагося третьяго тома), Богословскому около 3 листовъ, Терновскому свыше 4, Вадковскому около 16 листовъ. Не смотря на то, что комиссія не платила ничего за печатаніе, такъ какъ оно производилось на счетъ редакціи Православнаго Собесѣдника, не смотря на то, что гонораръ сотрудникамъ Описанія пониженъ былъ противъ первоначальнаго предположенія, все таки по напечатаніи втораго тома у комиссіи осталось для продолженія изданія только около 400 руб. Между тѣмъ неописанныхъ рукописей оставалось столько же, сколько описано въ первыхъ двухъ томахъ; стало быть, для продолженія изданія требовалась сумма приблизительно такая же, какая была отпущена предъ началомъ описанія, т. е. 4000 р. По представленію комиссіи Совѣтъ Академіи въ 1885 году возбудилъ ходатайство предъ св. Синодомъ объ отпускѣ дополнительной суммы по указанному разсчету съ ассигновкой ежегодно по 500 р. впредь до окончанія Описанія. Но св. Синодъ, согласно заключенію хозяйственнаго управленія, отпустилъ единовременно 1000 р., съ тѣмъ, чтобы на эти деньги было окончено все изданіе Описанія рукописей... (Терн. Ист. Зап. 42—48).

Нельзя пройти молчаніемъ при обзорѣни ученыхъ трудовъ Академіи и изданія переводовъ священныхъ, богослужебныхъ, вѣроучительныхъ и правоучительныхъ книгъ на инородческіе языки, сдѣланныхъ Переводческой

коммисіей. Переводческая коммисія имѣеть тѣсную историческую и внутреннюю связь съ миссіонерскимъ отдѣленіемъ при Казанской Академіи. Главными тружениками въ этой коммисіи были преподаватели миссіонерскихъ предметовъ въ Казанской Академіи: Г. С. Саблуковъ, Н. И. Ильминскій, В. В. Миротворцевъ. По тѣсной связи съ миссіонерскимъ отдѣленіемъ въ Академіи, Переводческая коммисія первоначально и состояла при Академіи. Съ учрежденіемъ въ Казани Братства свят. Гурія она перешла въ непосредственное вѣдѣніе Братства. Но сотрудниками ея и теперь состоятъ нѣкоторые изъ профессоровъ Академіи, именно М. А. Машановъ, предсѣдатель коммисіи, и П. А. Юнгеровъ, а также практикантъ калмыцкаго языка при Академіи М. Вадмаевъ. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ многочисленныя изданія Переводческой коммисіи. Скажемъ кратко, что трудами Переводческой коммисіи издано доселѣ до 200 переводовъ священныхъ, богослужебныхъ, вѣроучительныхъ и нравоучительныхъ книгъ на языкахъ: татарскомъ, чувашскомъ, черемисскомъ, мордовскомъ, вотяцкомъ, алтайскомъ, якутскомъ, бурятскомъ, тунгусскомъ, гольдскомъ, остяцко-самоѣдскомъ, киргизскомъ и калмыцкомъ. Переводы издаются теперь на средства Православнаго Миссіонерскаго Общества. (Отчетъ Переводческой коммисіи Прав. Миссіон. Общества, учрежденной при Братствѣ св. Гурія въ Казани. Казань. 1892).

Кромѣ изданія ученыхъ трудовъ, преподаватели Академіи иногда выступали предъ обществомъ съ публичными лекціями. Были подобнаго рода случаи еще

при дѣйствіи перваго академическаго устава. Такъ, въ 1868 и 1869 гг. читали публичныя лекціи въ залѣ Дворянскаго Собранія въ пользу Братства св. Гурія профессоры — Бердниковъ, Ивановскій и Некрасовъ (Знам. II, 171. 402. 327. Прав. Соб. 1869. II, 225. 343). Въ 1881 г. читаль публичную лекцію въ залѣ Городской Думы проф. Ивановскій, для увеличенія капитала на сооруженіе памятника Императору Александру II. Въ 1891 г. читали публичныя лекціи въ залѣ Городской Думы профессоръ Богородскій, Ивановскій и А. Гусевъ въ пользу Общества вспоможенія недостаточнымъ студентамъ Казанской Академіи. Кромѣ того, въ послѣднее время нѣкоторые профессоры (особенно А. Гусевъ) стали принимать участіе въ воскресныхъ собесѣдованіяхъ во Владимірской читальнѣ г. Казани. Приведенные факты свидѣтельствуютъ, что публичныя лекціи профессоровъ были рѣдкимъ и случайнымъ явленіемъ. Это зависитъ отъ скромности академическихъ преподавателей и отъ удаленности зданія Академіи отъ центра города. Если бы былъ въ городѣ постоянный приспособленный для публичныхъ чтеній залъ, на что можно надѣяться со временемъ при настоящемъ просвѣщенномъ управленіи городомъ, тогда вѣроятно академическіе преподаватели не отказались бы время отъ времени предлагать публикѣ лекціи, которыя носили бы не отрывочный, а систематическій характеръ, знакомили бы слушателей съ цѣлымъ отдѣломъ извѣстной богословской науки или съ извѣстнымъ періодомъ церковной жизни. Очень удачный опытъ подобныхъ чтеній дѣлалъ въ 1876 г.

профессоръ Знаменскій, читавшій рядъ публичныхъ лекцій по русской церковной исторіи въ пользу общества прикащиковъ. Въ настоящее время подобныя лекціи были бы явленіемъ современнымъ и желательнымъ.

Относительно учебныхъ средствъ и ученыхъ пособій наша Академія при своемъ основаніи находилась въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ другія Академіи. Прочія Академіи наслѣдовали бібліотеки отъ учебныхъ заведеній, имъ предшествовавшихъ, пользовались разными привиллегіями, напр. правомъ получать безмездно всѣ вновь выходящія книги, какъ это было съ С-Петербургской Академіей (Чист. Истор. С.-Пет. Акад. 244. 323). Наша Академія начала свою дѣятельность, можно сказать, съ пустыми руками, не имѣя научной помощи даже отъ скудной погорѣвшей семинарской бібліотеки. Къ концу перваго учебнаго года у нея было всего 74 книги, считая въ томъ числѣ и учебники. Штатная сумма на бібліотеку по уставу 1814 г. была самая ограниченная: 572 р. на бібліотеку учебную и ученую, на кабинеты физическій и натуральный, да 72 р. на выписку журналовъ и періодическихъ изданій. При такихъ ограниченныхъ средствахъ конечно нечего было и думать о выпискѣ цѣльныхъ коллекцій лучшихъ и и капиталнѣйшихъ книгъ по каждой спеціальности. Старались выписывать только то, что всего прежде нужно для лекцій наставниковъ или для курсовыхъ сочиненій студентовъ. Правленіе Академіи находилось въ крайне затруднительномъ положеніи и иногда по неволѣ дѣлало передержки по бібліотечной статьѣ въ

нѣскольکو десятковъ рублей, покрывал ихъ изъ другихъ статей академическаго хозяйства. Но такія распоряженія его не встрѣчали одобренія и поощренія со стороны контроля при св. Синодѣ. Равнымъ образомъ были отклоняемы всякія ходатайства академическаго Правленія объ отпускѣ на первоначальное обзаведеніе бібліотеки экстренной суммы, даже и тѣ, которыя возбуждались по иниціативѣ ревизоровъ Академіи и на основаніи ихъ удостовѣреній о крайней необходимости экстренныхъ ассигновокъ. Исключеніе было сдѣлано только для миссіонерскихъ отдѣленій при ихъ открытіи, вѣроятно благодаря настоянію Митрополита Григорія. Въ 1853 году было принято на счетъ духовно-учебныхъ капиталовъ пріобрѣтеніе 25 названій въ 52 томахъ книгъ на арабскомъ, турецкомъ и персидскомъ языкѣ, сдѣланное для Академіи бакалавромъ Ильминскимъ, на сумму 180 р. Въ 1855 году св. Синодомъ разрѣшено также принять на счетъ духовно-учебныхъ капиталовъ 109 названій разныхъ книгъ, нужныхъ для противомусульманскаго отдѣленія, пріобрѣтенныхъ тѣмъ же Ильминскимъ во время его путешествія по востоку. Въ 1854 г. ректоръ Агаоангель составилъ обширный списокъ книгъ для противораскольническаго отдѣленія и просилъ выслать ихъ безмездно въ академическую бібліотеку. Представленіе было уважено. Нѣкоторыя книги были высланы натурую изъ синодальныхъ складовъ, а тѣ, которыхъ тамъ не оказалось, разрѣшено пріобрѣсти на счетъ духовно-учебныхъ капиталовъ на сумму 4923 р. Такимъ обра-

зомъ миссіонерскіе отдѣлы бібліотеки были гораздо полнѣе и богаче другихъ.

На помощь бѣднымъ средствамъ академической бібліотеки явились безмездныя приобрѣтенія. Ескрѣ послѣ открытія Казанской Академіи, духовно-учебное управленіе разослало по всѣмъ Академіямъ и семинаріямъ требованіе о присылкѣ списковъ бібліотечныхъ дуплетовъ, и поручило сдѣлать выборъ изъ нихъ книгъ, годныхъ для Казанской Академіи, С.-Петербургской конференціи. Вслѣдствіе такого распоряженія черезъ два года наша Академія получила 270 сочиненій изъ числа дуплетовъ С.-Петербургской Академіи, 128 изъ Московской и столько же изъ Кіевской, и 9 названій изъ Тверской семинаріи. Въ 1852 г. наша Академія получила изъ бібліотеки здѣшней семинаріи 53 названія въ 268 томахъ. Въ 1853 г. на долю нашей Академіи досталось 1514 названій изъ числа дуплетовъ Императорской публичной бібліотеки, переданныхъ по Высочайшему повелѣнію въ пользу духовно-учебныхъ заведеній.

Было не мало жертвователей въ бібліотеку нашей Академіи изъ частныхъ лицъ. Упомянемъ прежде всего Казанскихъ архипастырей Григорія и Аванасія. Преосвященный Григорій въ 1850 г. пожертвовалъ единовременно 674 названія книгъ богословскаго и церковно-историческаго содержанія, и кромѣ того отказалъ по духовному завѣщанію въ 1867 г. въ ея пользу 198 драгоценныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Преосв. Аванасій въ 1866 г., когда во время тяжелой своей болѣзни раздавалъ книги своей богатѣйшей бібліотеки,

кому попало, пожертвовалъ изъ нея и нашей Академіи 1348 названій въ 2105 томахъ. Изъ другихъ жертвователей заслуживаютъ признательнаго упоминанія коллежскій совѣтникъ Иванъ Григорьевичъ Калашниковъ и помѣщикъ Тамбовской губерніи Темниковскаго уѣзда села Девлетякова князь Н. Алек. Енгальчевъ. Первый пожертвовалъ въ 1847 г. 1048 названій книгъ въ 1523 томахъ, а второй въ 1857 г. 1003 названія. Тому и другому жертвователю была выражена признательность св. Синода, а Академія, въ постоянную благодарную память, отмѣтила ихъ имена на самыхъ пожертвованныхъ ими книгахъ. Благодаря усиленнымъ заботамъ академическаго начальства, официальнымъ и частнымъ пожертвованіямъ, академическая фундаментальная библіотека значительно пополнилась. Черезъ десять лѣтъ послѣ открытія Академіи числилось въ академической библіотекѣ 3727 названій книгъ, а въ 1870 году, при введеніи устава 1869 г., было въ ней 10.255 названій въ 24.134 томахъ (Знам. 502—514. Тернов. 122).

По уставу 1869 г. положено было на приобрѣтеніе книгъ 1600 р. Эта цифра не покажется роскошью, если взять во вниманіе, что съ новымъ уставомъ значительно прибавилось въ Академіи преподавательскихъ кафедръ и что съ новымъ уставомъ стало необходимою знакомство съ европейскою литературой. Нельзя забывать и того, что хотя при введеніи устава въ библіотекѣ и числилось до 10000 названій книгъ, но книги эти были разнородныя, относились болѣе къ средневѣковой литературѣ. Поэтому въ библіотекѣ по нѣкоторымъ наукамъ или отдѣламъ наукъ были круп-

ные пробѣлы. Значительная часть средствъ по введеніи устава 1869 г. тратилась именно на пополненіе пробѣловъ въ научной литературѣ новѣйшаго времени. При всѣхъ указанныхъ обстоятельствахъ естественно, что штатной библиотечной суммы опять въ скоромъ времени стало недостаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждъ библиотеки. Особенно когда являлась надобность сдѣлать какое нибудь крупное приобрѣтеніе по извѣстной наукѣ, академическое начальство было вынуждено по прежнему обращаться къ щедрости св. Синода, и овъ, нужно вспомнить съ глубокою признательностію, нерѣдко удовлетворялъ ходатайство Академіи, напр. при командировкѣ за границу профессоровъ Красносельцева и Машанова. При составленіи устава 1884 г. совершенно справедливо признано необходимымъ возвысить штатную сумму на библиотеку до 2500 р.

Не оскудѣли также въ текущемъ періодѣ и пожертвованія книгъ въ библиотеку Академіи. Во главѣ этихъ пожертвованій нужно поставить отпускъ на счетъ казны въ 1873 г., съ всемилостивѣйшаго соизволенія Государя Императора, втораго полнаго Собранія законовъ Россійской Имперіи, начиная съ 25 тома, съ тѣмъ, чтобы и впредь имѣющія выходить книги Собранія законовъ были отпускаемы для академической библиотеки также на счетъ казны. — Потомъ нерѣдко оказывалъ благосклонное вниманіе къ нашей Академіи Его Высочайшее Превосходительство г. оберъ-прокуроръ св. Синода дѣйствительный тайный совѣтникъ К. П. Побѣдоносцевъ пожертвованіемъ рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ непосредственно или чрезъ Н. И. Ильминскаго; напр.

въ 1884 г. имъ пожертвованъ Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 г. Фотолитографическое изданіе Общества древней письменности и много-томное собраніе переводовъ на китайскій языкъ священныхъ, богослужебныхъ и вѣрочительныхъ книгъ, едѣланныхъ трудами архимандритовъ Гурія и Флавіана и іеромонаха Исаи. Нельзя не упомянуть также съ признательностію о дарѣ Высокопреосвященнѣйшаго Палладія Экзарха Грузіи нынѣ Митрополита С.-Петербургекаго, который въ 1887 г., предъ отъѣздомъ своимъ изъ Казани, пожертвовалъ въ пользу академической бібліотеки дорогой по содержанію и превосходный по выполненію коронаціонный альбомъ, представляющій акварельныя изображенія наиболѣ трогательныхъ и выдающихся моментовъ изъ событія священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ изложеніемъ относящагося къ этому событію текста. Изъ другихъ довольно многочисленныхъ пожертвованій, которыхъ нѣтъ возможности перечислить, укажемъ на болѣе крупныя, 1) на поступленіе, благодаря просвѣщенному содѣйствію Преосвященнаго Хрисанѳа, изъ бібліотеки бывшаго Астраханскаго Архіепископа Аѳанасія до 787 названій болѣе, чѣмъ въ 1000 томахъ, весьма цѣнныхъ книгъ, 2) на пожертвованіе Мелетіемъ Епископомъ Якутскимъ коллекціи тибетскихъ и монгольскихъ книгъ буддійскаго содержанія, изданныхъ въ ламайскихъ дацанахъ Забайкальской области, количествомъ до 318. Къ числу бесплатныхъ приобрѣтеній бібліотечныхъ относятся также довольно многочисленныя изданія, получаемыя въ обмѣнъ на Православный Собесѣдникъ.

Всего съ 1870 г. по 1891 годъ поступило въ академическую библіотеку 9999 названій въ 25.299 томахъ. Изъ нихъ около половины приобрѣтено путемъ пожертвованій. Всего въ академической библіотекѣ по отчету 1891 г. числилось въ фундаментальной библіотекѣ 20.144 названія въ 49.129 томахъ.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, можно сказать, достаточно пополнены пробѣлы въ литературѣ наукъ академическаго преподаванія, унаслѣдованные отъ прежняго времени. Теперь академическій ученый развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣтитъ серьезное и непреодолимое препятствіе въ достиженіи своей научной задачи. Спросъ на книги академической библіотеки всегда очень великъ. Напр. въ 1873 году было выдано изъ академической библіотеки профессорамъ и студентамъ до 8000 томовъ, а въ слѣдующемъ году до 9000 томовъ. Книгами академической библіотеки, съ извѣстными ограниченіями, пользуются и постороннія лица, въ томъ числѣ многіе профессора Университета. О библіотечныхъ порядкахъ не будемъ распространяться по недостатку времени. Замѣтимъ только, что они образцовы. Едва ли гдѣ можно встрѣтитъ еще болѣе удобства въ пользованіи книгами, чѣмъ въ библіотекѣ нашей Академіи. Академія съ признательностію вспоминаетъ о громадныхъ заслугахъ по устроенію академической библіотеки бывшихъ ея библіотекарей В. С. Братолюбова и А. Е. Заблоцкаго. Съ такимъ же уваженіемъ она цѣнитъ службу и дѣятельность наличнаго библіотечнаго персонала (Тернов. Ист. Зап. 122—162).

Кромѣ фундаментальной бібліотеки находится въ Академіи бібліотека рукописей и старопечатныхъ книгъ. Основаніе ей положено передачей въ распоряженіе Академіи въ 1854 году Соловецкой бібліотеки по мысли и настоянію Митрополита Григорія, для успѣшнаго достиженія Академіей своей спеціальной противораскольнической задачи. Въ составѣ Соловецкой бібліотеки оказалось 1513 рукописей и 83 старопечатныхъ книги. Потомъ бібліотека рукописей весьма значительно была пополнена стараніями ректора Агаангела и щедротами Митрополита Григорія. Далѣе она постепенно пополнялась путемъ покупки, полученія въ даръ отъ жертвователей, по начальственнымъ распоряженіямъ и пр. По отчету 1891 г. числилось въ этомъ отдѣлѣ академической бібліотеки 3074 названія въ 3293 томахъ.

Соловецкая бібліотека по содержанію рукописей конечно далеко уступаетъ бібліотекамъ Кирилло-Бѣлоозерскаго и Волоколамскаго монастырей, предоставленнымъ въ пользу другихъ Академій. Но для Казанской Академіи она сослужила великую службу. Она была передана Казанской Академіи еще въ ту пору, когда только что начиналось серьезное изученіе русской древней письменности и исторіи. Она дала толчекъ и направленіе научной дѣятельности Академіи. Она доставила интересный матеріалъ для академическаго журнала, обратившій вниманіе на научную дѣятельность Академіи. Ради нея стали знать Академію и обращаться къ ней за книгами и ученые спеціалисты, и ученые общества и корпораціи. Когда кончится ученое Описаніе рукописей Соловецкой бібліотеки, ученое значеніе ея

едѣляется достояніемъ всѣхъ интересующихся русской церковной археологіей и исторіей. Да будетъ же благословенно имя великаго іерарха, предоставившаго въ распоряженіе Академіи такое цѣнное въ научномъ отношеніи сокровище!!.. (Знам. II, 524—531).

Наша Академія всегда жила и теперь живетъ подъ бдительнымъ надзоромъ начальства. Жизнь ея течетъ по строго опредѣленнымъ нормамъ, въ традиціонномъ направленіи, приличномъ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Кроме ближайшаго начальства, о состояніи Академій заботится и высшее духовно-учебное начальство и время отъ времени назначаетъ ревизіи Академій. При дѣйствіи устава 1814 г. ревизіи назначались обыкновенно чрезъ каждые два года, и поручались большею частію мѣстному Преосвященному. Но иногда посылались ревизоры и со стороны. Такъ напр. въ 1846 г., при окончаніи перваго академическаго курса, былъ посланъ ревизоромъ ректоръ С.-Петербургской Академіи епископъ винницкій Асанасій. Ему дано было специальное порученіе—удостовериться, соответствуетъ ли Казанская Академія вполнѣ своему назначенію въ качествѣ вышшаго духовно-учебнаго заведенія. Не смотря на строгость ревизіи, продолжавшейся около полутора мѣсяца, Академія найдена въ удовлетворительномъ состояніи. Дисциплина въ нашей Академіи, ея духъ и направленіе были, говоря вообще, тѣ же самыя, что и въ другихъ Академіяхъ того времени. Начальниками нашей Академіи назначались лица изъ другихъ Академій, которыя и приносили съ собою дисциплину, принятую въ другихъ мѣстахъ. Дисциплина эта была строгая,

требовавшая отъ всѣхъ членовъ академической семьи, какъ студентовъ, такъ и профессоровъ точнаго и аккуратнаго исполненія своихъ обязанностей. И всѣ ревизіи Академіи въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ находили Академію въ удовлетворительномъ состояніи. Но вотъ 16 апр. 1861 года наша Академія вдругъ скомпрометировала себя участіемъ нѣкоторыхъ изъ ея членовъ въ манифестаціи съ политическимъ оттѣнкомъ. Этотъ прискорбный случай едва не повлекъ за собой закрытіе Академіи, и во всякомъ случаѣ надолго омрачилъ ея репутацію. Между тѣмъ этотъ фактъ былъ совершенно случайнымъ явленіемъ, вызваннымъ однимъ тоже случайнымъ обстоятельствомъ. Притомъ же вольными участниками этого необдуманнаго поступка было только нѣсколько членовъ изъ принадлежащихъ къ Академіи. Большинство же членовъ академической семьи, или, какъ выразился приснопамятный Митрополитъ Филаретъ, сама Академія не совершила панихиды. Что же касается до недостатка дисциплины, какой обнаруженъ въ Академіи при разслѣдованіи этого дѣла, то онъ зависѣлъ отъ духа времени, отъ котораго трудно уберечься и за стѣнами, и отъ не совсемъ внимательнаго отношенія къ жизни и занятіямъ студентовъ тогдашняго академическаго начальства. Съ перемѣною академическаго начальства, и Академія стала понемногу приходить въ нормальное состояніе. Ректоръ Никаноръ говаривалъ, что когда онъ ѣхалъ на академическую ректуру, онъ былъ предубѣжденъ противъ нашей Академіи, и строилъ планы, какъ искоренить въ ней либерализмъ. Но послѣ тщательнаго наблюде-

нiя за преподавателями и студентами, онъ въ скоромъ времени убѣдился, что никакого либерализма въ Академии нѣтъ, что если и есть какіе недочеты въ студенческой жизни, то это скорѣе зависитъ отъ недостатка благовоспитанности, чѣмъ отъ испорченности. Познакомившись поближе съ Казанской Академіей, въ особенности въ лицѣ ея преподавательской корпораціи, ректоръ Никаноръ душевно полюбилъ ее и сроднился духомъ и уже потомъ не мѣнялся въ своемъ расположеніи къ ней (Прот. Акад. 1872. стр. 171—173). Равнымъ образомъ и преосвященнѣйшій Антоній, этотъ благоствѣннѣйшій архипастырь, на первыхъ порахъ былъ не совсѣмъ выгоднаго мнѣнія о нашей Академіи, но въ 1868 году, послѣ обревизованія Академіи, онъ отозвался о ней очень сочувственно и сочелъ своимъ долгомъ прямо высказать предъ Высшимъ Начальствомъ, что теперъ нѣтъ никакихъ поводовъ къ пареканію на Казанскую Академію, и что навшее на нее въ 1861 г. пятно можно считать совсѣмъ изглаженнымъ (Знам. I. 250—251. 374—380). При дѣйствиіи устава 1869 года наша Академія жила, какъ и другія Академіи, и не теряла своей возстановленной репутаціи. По ревизіи ея Митрополитомъ Макаріемъ въ 1874 году, состояніе ея найдено удовлетворительнымъ по всѣмъ частямъ и, кажется, лучшимъ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ Академіяхъ (Прот. 1875. стр. 69—72).

Объ ученой дѣятельности Академіи мы имѣемъ лестный отзывъ челоуѣка высокаго и непререкаемаго авторитета—это Н. И. Ильминскаго. По его мнѣнію, наша Академія своими учеными трудами заняла по-

четное мѣсто среди ученыхъ учрежденій и ничимъ же меньше есть во владыкахъ Іудовыхъ (Знам. II. 477). А затѣмъ, вниманіе, съ какимъ отнеслись къ юбилею Академіи высокопоставленныя лица церковной и свѣтской администраціи, лестные, сочувственные, восторженные отзывы о просвѣтительной дѣятельности Академіи столькихъ ученыхъ обществъ и преподавательскихъ корпорацій, конечно также должны вселять въ ней отрадное сознаніе того, что она не тщетно потрудилась на поприщѣ духовнаго просвѣщенія въ теченіе 50 лѣтъ своего существованія.

Впрочемъ, Академія, будучи до глубины души тронута сочувственными отзывами о своей дѣятельности отъ родственныхъ ей по задачамъ дѣятельности корпорацій, а также и другими знаками вниманія къ ней, и принося за нихъ живѣйшую признательность, себѣ самой не позволяетъ дѣлать отсюда какихъ либо преувеличенныхъ выводовъ о своихъ заслугахъ на поприщѣ просвѣщенія. Празднуя пятидесятилѣтіе своей дѣятельности, Академія этимъ прежде всего удовлетворяетъ естественной потребности всякой органически развивающейся нравственно-духовной личности по временамъ вспоминать свое прошлое и вдумываться въ него. Признательныя воспоминанія Академіи о заслугахъ прежнихъ уважаемыхъ ея дѣятелей, по справедливому замѣчанію Н. И. Ильминскаго, должны свидѣтельствовать о ея здоровомъ ростѣ. Юбилейное торжество Академіи заставило радостно забиться сердца всѣхъ бывшихъ ея питомцевъ и дало имъ поводъ отозваться съ чувствами живѣйшей признательности къ ней за

полученное образованіе и съ пожеланіями ей всякаго преуспѣянія въ будущемъ. Этотъ обмѣнъ чувствъ и благожеланій между матерію и ея питомцами, а также ея прежними дѣятелями, естественно долженъ послужить къ оживленію и укрѣпленію ея силъ, долженъ способствовать подъему ея духа и энергіи въ будущей ея дѣятельности.

Съ другой стороны, юбилейныя воспоминанія даютъ Академіи поводъ нѣсколько остановиться своимъ вниманіемъ на задачахъ своей дѣятельности. Изъ обзорнія прежней дѣятельности Академіи мы видѣли, что, кромѣ общей задачи—сообщать высшее богословское образованіе, ей поставлены были еще двѣ спеціальныя задачи—употреблять мѣры къ вразумленію раскольниковъ и къ просвѣщенію инородцевъ. И мы знаемъ, что Академія много сдѣлала для исполненія первой задачи своими учеными трудами и изданіями, а также образцовыми собесѣдованіями съ раскольниками своего преподавателя противораскольнической полемики. Но въ послѣднее время миссія противъ раскола перестала быть спеціальной задачей нашей Академіи, а стала общимъ дѣломъ всей русской Церкви и всѣхъ центровъ духовнаго образованія въ Россіи.—Напротивъ миссіонерское отдѣленіе противъ инородцевъ, служащее достиженію второй изъ спеціальныхъ задачъ Академіи, долгое время существовало при Академіи въ заброшенномъ состояніи; имъ тяготились, какъ лишней и тяжелой обузой, такъ какъ не видѣли практическаго приложенія къ жизни тѣхъ свѣдѣній, какія на немъ сообщались. Но вотъ, благодаря неусыпнымъ трудамъ и энергіи

Н. И. Ильминскаго, дѣло религіознаго просвѣщенія инородцевъ съ 60-хъ годовъ обратило на себя вниманіе вліятельныхъ сферъ и получило весьма широкую жизненную постановку. Тогда и миссіонерское отдѣленіе сразу выросло въ своемъ просвѣтительномъ значеніи и получило весьма важное практическое приложеніе къ жизни. Отселѣ, особенно по уставу 1884 г., миссіонерское отдѣленіе противъ инородцевъ составляетъ видную особенность Казанской Академіи сравнительно съ другими Академіями, а служеніе дѣлу просвѣщенія инородцевъ—спеціальную задачу ея дѣятельности. Съ сознаніемъ на своей обязанности этой высокой и многотрудной задачи Казанская Академія вступаетъ, съ помощію Божіею и съ Вашего архипастырскаго благословенія, во второе пятидесятилѣтіе своей дѣятельности, взирая на миссіонерско-просвѣтительные труды незабвеннаго Н. И. Ильминскаго, какъ на священный для себя завѣтъ и достоподражаемый образецъ.





**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**